

А. Н. Перепелятников

Ульяновск 2020

ББК 84 (2 Рос=Рус)7

П27

**П27 Перепелятников А.Н. СОСЛУЖИВЦЫ. Сборник
воспоминаний** — Ульяновск: Издательство «Вектор-С»,
2020 г., — 94 стр.

В авторской редакции.
Вёрстка Морозовой О. Ю.

© Перепелятников, 2020
© О. Ю. Морозова, рисунки, 2020
© ООО «Вектор-С», оформление, 2020

Краткое предисловие

В этом сборнике я решил рассказать о некоторых моих сослуживцах, с которыми легко служилось, у кого многому научился, на кого всегда можно было положиться, с кем можно было смело идти не только в разведку. А отдельные из них были в моей памяти и остаются по сей день учителями-наставниками.

Признаюсь и каюсь, это далеко не все мои сослуживцы, которые оставили глубокий след в моей памяти. Я часто с теплом в душе вспоминаю Ивана Григорьевича Аблова, Арона Давыдовича Рейдермана, Евгения Павловича Сиротского, Петра Францевича Пясецкого и многих, многих других моих дорогих сослуживцев. Попытался о некоторых из них писать. Но не так просто оказалось это сделать сегодня. О некоторых моих сослуживцах я уже писал в моих предыдущих произведениях. О других оказалось уже не просто собрать необходимый материал. Поэтому этот сборник оказался так краток.

Автор

Власть переменилась

рассказ

Здесь я расскажу о том, как по молодости, шутя, я чуть не поспорил двух моих начальников.

1

Один из них – мой непосредственный начальник – заместитель командира полка по политчасти. Звали его подполковник Шишкин Иван Васильевич.

В центре - подполковник Шишкин И.В. Слева - полковой фотограф Шитоев и справа ст лейтенант Перепелятников

Прибыл он для прохождения службы в наш полк в начале 1963 года из кадрированного полка Министерства обороны. Тот полк дислоцировался в городе Иркутске. Все пять лет службы в нём Иван Васильевич посвятил заочному обучению на историческом факультете местного университета. Времени для этого было предостаточно. Ведь в кадрированном полку было чуть больше взвода солдат, которые несли службу по охране поставленной на консервацию боевой техники, складов с оружием и боеприпасов. Офицеры

на ежедневных занятиях совершенствовали свои знания по тактике и стратегии ведения боевых действий, изучали поступающую в полк быстро обновляемую боевую технику.

После расформирования полка офицеров разбросали кого куда.

Во время службы в Иркутске Иван Васильевич много читал: научную литературу по педагогике и философии, историю государства и общества, истории войн и военного искусства. Великую Отечественную он захватил краешком, участвуя в разгроме милитаристской Японии. Ведь он был 1927 года рождения и в 1945 ему исполнилось только 18 лет.

Был этот офицер требователен к себе, заботлив к подчинённым, до глубины души предан Отечеству и идеалам коммунизма. До последних дней был активным членом партии коммунистов. На пенсии в г. Лермонтове Ленинградской области возглавлял местную партячейку КПРФ.

Ненавидел Иван Васильевич людей, злоупотреблявших спиртным, не переносил грубую матерщину. Офицеров, сержантов и солдат, сквернословивших при нём, всегда одёргивал, строго выговаривал, а иногда и наказывал. Самым строгим его ругательством по прибытии в наш полк было «едрёна каламашка». Так с первых дней в полку его и прозвали. Бывало спрашивает один офицер другого:

- Кто сегодня ответственный в полку?
- Едрёна каламашка, – отвечал другой.

Но это ругательство жило в его устах недолго. С головой окунувшись в жизнь нашего большого по численности и сложного по контингенту личного состава полка, Иван Васильевич стал употреблять иногда и выражения покрепче.

Рос я без отца, погибшего на фронте. С детских лет нуждался в общении с мужчинами, в мужском наставлении и опеке, строгом мужском спросе за шалости и проступки. Когда стал офицером – начальником для ровесников, а иногда и ребят старше себя, часто мучился проблемами взаимоотношений с подчинёнными, нуждался в серьёзной помощи и квалифицированном наставлении. И мне повезло – судьба свела с мудрым и добрым Иваном Васильевичем.

С первого дня нашей с ним совместной службы он окружил меня отеческой заботой, пристальным, но не назойливым вниманием. Казалось мне, что Иван Васильевич абсолютно не интересуется, чем я занимаюсь, как работаю с комсомольским активом полка, что планирую и провожу в полку и в ротях. Но на деле оказывалось, что Иван Васильевич до мелочей знает работу руководимого мною комитета комсомола полка, знает, с кем я дружу и от кого держусь подальше.

Не мог он в деталях знать, как обустроен мой домашний быт, чем занимаюсь в редкие выходные, что читаю, как дома питаюсь. Но его живо интересовало и всё это. Не в форме допроса, а, как бы, между прочим, в случайном разговоре спрашивал и о делах домашних. Часто, бывало, Иван Васильевич говаривал: «Ты знаешь, Ондрей, какую я сейчас читаю книгу! Какую книгу! Почти до утра сегодня читал, пока уже жена не начала ворчать, что мешаю спать. Она у меня хоть и библиотекарша, но таких книг не читала. Нет. А ты, брат, случайно эту книжицу не читывал?» Естественно, я почти всегда отвечал, что не читал ту книгу. Тогда Иван Васильевич не громко, но твёрдо говорил: «Прочти, обязательно прочти! Не пожалеешь. Кстати, а что сейчас ты читаешь?» И если я честно сознавался, что сейчас ничего не читаю, он с удивлением глядел своими широко открытыми серыми глазками в самую мою душонку и произносил: «Это, брат, не хорошо, очень нехорошо! Читать надо всегда, как бы ни был занят делами. Дела, заботы будут по жизни всегда, а без книг, без знаний жизнь сера и пуста... Несчастный тот человек, который не читает. Несчастен и точка. Запомни!»

На всю жизнь по сей день помню я и придерживаюсь совета Ивана Васильевича по ведению своего семейного бюджета. Поинтересовался он, как у меня обстоят дела с финансами. Я ответил, что до полочки денег хватает, ни в чём особо не нуждаюсь. «А на чёрный день, заначка-то есть? Хоть по-маленьку откладываешь?» – спросил Иван Васильевич. Никакой заначки у меня, конечно, не было. В чём я и признался своему наставнику.

– Это, Ондрей, неправильно, – тихо сказал Иван Васильевич, – возьми, дорогой, за привычку и всегда её исполняй – появилась сотня рубликов, или пятьдесят, или даже пятёрка – десять, пять рублёв, да ту же копейку, но отложи. Без этой малости ты сейчас вполне обойдёшься, а десятка к десятке, пятёрка к пятёрке и сам не заметишь, как скопится какая-то сумма и ты при любых обстоятельствах будешь при деньгах. Запомни это.

И я запомнил этот добрый совет моего учителя. В сберкассе, так назывался тогда Сбербанк, я завёл сберегательную книжку и стал прямо через бухгалтерию туда по двадцать пять рублей ежемесячно откладывать. Через год я стал самым богатым среди сверстников. Многие сослуживцы постоянно занимали у меня. Ещё холостяком купил кое-что из мебели, радиоприёмник, гражданскую одежду и прочее.

Когда стал замполитом полка в Северске, решили мы с женой купить автомобиль. Написал я снова рапорт и стал из заработной платы перечислять на сберкнижку по сто пятьдесят рублей ежемесячно. Мы с женой поразились, как быстро у нас набежало на автомобиль.

В 1967 году наш славный 7-й полк, так его называли для краткости, расформировали, и я попросился направить меня для прохождения службы туда, где есть рядом университет. К тому времени я уже успешно заочно окончил два курса строительного института. Был политработником, видел пример глубоких знаний моего наставника, окончившего истфак, и решил следовать его примеру. В университетах страны факультеты были историко-филологические. А я уже печатал в окружной газете СИБВО «Советский воин» стихи, небольшие заметки и рассказы.

И когда вызвал меня для беседы о дальнейшей службе московский кадровик подполковник Иванов, я и высказал своё желание. Подполковник глянул в свои бумаги и сказал: «Тогда направим тебя в Томское Управление. В Томске ж знаменитый университет и там есть историко-филологический факультет.»

Так я получил направление в Томск-7 (Ныне Северск). Надо заметить, что Иван Васильевич Шишкин после расформирования нашего полка оставался в Зеленогорске и был назначен начальником отдела кадров стройки. Он ещё до приезда кадровика из Москвы сообщил мне об этом, сказавши: «Ты, брат, за дальнейшую службу не беспокойся. Я буду возглавлять кадры стройки и уж кого-кого, но тебя пристрою. Не пожалеешь.»

Очень не хотелось мне уезжать от уважаемого Ивана Васильевича, но желание получить такие же знания, стать таким же политработником, как Иван Васильевич, взяло верх. И я решил ехать в Томское Управление войск. Подполковник Иванов озвучил и должность, на которую я направлялся – старшим инструктором отдела политработы Управления по клубно-массовой работе. Когда я услышал на какую должность направляюсь – оробел:

– Но я же не знаю этой работы, я не знаю ни музыки, ни чего другого в этом деле, – сказал я кадровику.

– Справишься. Во-первых, мы специалистов на эту работу не готовим и нам всё равно назначать на эту должность не знатока клубного дела. А во-вторых, тут на тебя написана такая характеристика, что впору назначать тебя на должность чуть ли не начальника отдела политработы...

Надеюсь, что читатель догадался, кто написал на меня ту характеристику. В том же 1967 году я поступил на историко-филологический в ТГУ. И все шесть лет учёбы исполнял обязанности старшего инструктора по клубно-массовой и помощника начальника отдела политработы по комсомолу. Имею право считать, что своего любимого начальника я не подвёл.

Через несколько лет в составе московской комиссии я приехал с проверкой Красноярского-45 Управления войск. Вечером в день приезда в моём гостиничном номере раздался телефонный звонок. Звонил Иван Васильевич. После того, как я на всю гостиницу прокричал в трубку: «Здравствуйте, Иван Васильевич!» – он предложил пройтись погулять и пообщать-

ся. Я пулей вылетел из гостиницы и помчался на набережную Кана, где мы и встретились.

После тёплого рукопожатия Иван Васильевич сказал: «Ну, как ты служишь, я знаю. Читал приказы по Центральному Управлению. Молодец! Давай рассказывай, как дела домашние, чем занимаешься, как живёшь вне службы». Моему дорогому учителю я не рассказывал, нет. Я, в полном смысле слова, держал отчёт. Отчитывался за свою семейную жизнь, за учёбу в Университете, за все свои дела.

Несколько часов бродили мы по пустынной в тот вечер набережной своенравного Кана. Иван Васильевич всё спрашивал и спрашивал, а я, как на духу, докладывал.

К сожалению, больше не довелось мне увидеться с дорогим Иваном Васильевичем. В 2019 году его не стало. Но всю жизнь, невольно, я как бы держал перед ним отчёт за все свои дела и поступки. Подсознательно, какими-то глубинами души я невольно задавал себе вопрос, что бы сказал по этому поводу Иван Васильевич... Давно, очень давно возникло у меня желание послать Ивану Васильевичу свой рассказ, удачное стихотворение или опубликованную статью. Не решался. Несколько лет назад через однокашника по училищу Олега Фомича Ковалёва послал ему один из последних сборников рассказов. Олег выполнил мою просьбу и передал мою скромную книжку Ивану Васильевичу. Таким образом отчитался я перед Иваном Васильевичем и на старости лет. Вечная ему память!

2

Не могу кратко не поведать и о втором герое моего рассказа о подполковнике Шадрине Иннокентии Ивановиче – начальнике штаба нашего славного полка. Не хотят признавать краеведы Зеленогорска, но первым, кто пришел и начал строительство важного оборонного предприятия подальше от цивилизации на берегу Кана, был именно в то время капитан Шадрин.

Служил он до того в Красноярске-26, ныне это Железногорск. И вот морозной зимой 1956 года с ротой солдат прибыл Иннокентий Иванович поездом на станцию Заозёрная. Райисполком Заозёрного выделил капитану Шадрину несколько подвод, на которые солдаты погрузили большие армейские палатки, инструмент, свой нехитрый армейский скарб и направились к месту будущей стройки. На пригорке за деревней Орловка расчистили от подлеска и кустарника большую поляну, поставили палатки и приступили к обустройству своего городка. Валили вековые сосны, ели и берёзы, вырыли землянки для складирования продовольствия, срубили баню. Вслед за первой стали на будущую стройку прибывать и прибывать другие роты. К весне на месте будущего административного городка уже располагался военно-строительный отряд. Позже он получил название посёлок Октябрьский.

Отряд быстро рос численно и вскоре это уже был отряд. Командиром отряда был майор Шадрин, а когда сформировался полк, он стал начальником его штаба. В декабре 1962 года полк был расформирован и из его остатков, из трёх рот 731 автомобильного ВСО и нескольких рот в/ч 33960, был сформирован новый полк. Условный номер ему был оставлен 33960. Командиром полка был назначен полковник Законов, а начальником штаба стал подполковник Шадрин. Новый полк состоял из трёх автомобильных рот и девяти рот, обслуживавших ДОК, завод ЖБИ, первую автобазу УАТ, УМР, железнодорожный цех, МСУ 14, мощную котельную и ряд других субподрядных подразделений огромной стройки.

Подполковник Шадрин, как и Иван Васильевич, был участником Великой Отечественной. Имел несколько боевых орденов и медалей.

Всех участников Великой Отечественной войны по отношению к нам, молодым офицерам, я делил на две группы. Одни, радуясь тому, что из военных училищ прибывали офицеры, прошедшие полный курс обучения военному делу, а мы, выпускники НВТУ получили ж ещё и дипломы техника-

строителя ПГС. Эти офицеры окружали нас отеческой заботой, учили уму-разуму, передавая нам свой бесценный опыт работы с подчинёнными.

Другая группа офицеров, не скрывая зависти, что мы получили по тем временам прекрасные знания, на каждом шагу упрекали нас за неумение работать с подчинёнными, требовали от нас порой невыполнимого, а главное – не роптать на трудности, порою созданные ими же. От последних мы постоянно слышали: «Тебе трудно, неустроен твой быт, а как было нам на фронте? Над вами не свистят пули и не ревут в небе Мессеры. Молчи и переноси тяготы и трудности армейской жизни, как записано в Уставе!»

Шишкина Ивана Васильевича я отношу к первым, а вот – подполковника Шадрин Иннокентия Ивановича – ко вторым.

3

В этом полку я был ещё лейтенантом. Мой мудрый учитель Иван Васильевич Шишкин поставил перед командованием полка задачу, чтобы в выходные и праздничные дни меня не привлекали к несению службы вне части. Чтобы в наряды по гарнизону назначали только в будние дни, дабы я имел возможность в выходные встречаться со всеми комсомольскими активистами полка.

Командиру полка было всё равно, в какие дни я ходил на службу дежурным по гарнизону или патрульным, а вот начальник штаба полка подполковник Шадрин Иннокентий Иванович почему-то этому требованию активно противился. Пользуясь тем, что составление графиков несения службы офицерским составом полка было его компетенцией, он постоянно пытался послать меня в наряд по гарнизону в выходные дни.

Однажды командир полка срочно, по горячей путёвке уехал на отдых в санаторий. Это случилось так неожиданно и срочно, что командир полка в отпуск не готовился, не был издан приказ по полку об исполнении обязанностей коман-

дира на время его отпуска. Уехал полковник Законов домой на обед, а из Управления войск позвонили ему домой о «горящей» путёвке. Заехал он в штаб Управления, выкупил путёвку, получил отпускные, съездил на ж/д станцию в город Заозёрный за билетом на поезд, вернулся домой, быстро собрался и в тот же вечер уехал в Пятигорск. Позвонил он только подполковнику Шишкину и сообщил ему о своём срочном убытии в отпуск и назначении Ивана Васильевича исполнять обязанности командира полка на время его отпуска.

Подполковник Шадрин в тот день оставался в полку контролировать вечерние мероприятия, был ответственным, как мы тогда называли такое поочерёдное пребывание в полку до отбоя офицеров штаба полка. На следующий день офицер, оставшийся накануне в полку до отбоя, на службу прибывал часам к 9 – 10.

О назначении офицера в суточный наряд по полку или в гарнизон, дня за два – за три до дня несения службы начальник штаба полка в книге приказаний по полку писал соответствующее приказание. Дежурный по штабу под роспись знакомил офицеров с этим распоряжением.

На второй день после убытия командира полка в отпуск, на утреннем разводе личного состава полка подполковник Шишкин объявил полку о своём вступлении в обязанности командира полка на время отпуска полковника Законова.

Только вошел я в свой кабинет после утреннего развода, как заходит ко мне дежурный по штабу, кладёт на стол книгу распоряжений и просит расписаться в ознакомлении о заступлении в ближайшую субботу в суточный наряд дежурным по гарнизону. Расписываться за ознакомление о приказании я не стал. Сказал дежурному по штабу, что подполковник Шишкин запретил мне ходить в наряды по гарнизону в выходные дни. Дежурный сослался на распоряжение начальника штаба и попросил подпись поставить. И надо же мне было в шутку ляпнуть солдатику, что «власть-то в полку переменилась».

Подполковник Шишкин сейчас командир полка, власть теперь у нас, политработников.

Дежурный молча взял с моего стола журнал распоряжений и вышел. Часов около десяти он снова заходит ко мне в кабинет и сообщает, что меня вызывает подполковник Шишкин. Я тут же и направился в кабинет командира полка.

Когда я вошел в кабинет, доложил о прибытии по приказанию, то сразу и понял, зачем меня вызвал мой любимый начальник. На стуле у окна сидел насупившийся подполковник Шадрин... Сидел он вполоборота развернувшись спиной к входной двери, закинув левую ногу на правую, а правой рукой облокотившись на спинку соседнего стула. Лицо его было серым, пылающие гневом глаза уставлены в пол.

Подполковник Шишкин на мой доклад о прибытии никак не прореагировал. Дочитал он какую-то бумагу, поставил на ней визу, отодвинул документ в сторону, а после этого принял грозный вид. Делал он это, положив обе руки на стол, сжимая пальцы в кулаки, слегка втянув голову в плечи и грозно глядя исподлобья. Прошло несколько томительных секунд и Иван Васильевич медленно, но твердо произнёс: «Товарищ лейтенант, как нам с Иннокентием Ивановичем понимать ваше заявление о том, что в полку поменялась власть?»

Сгорая от стыда, начал я что-то мямлить в своё оправдание. Но тут голос подал подполковник Шадрин:

– Вы что же, полагаете, что я не знаю о просьбе Ивана Васильевича не ставить вас в наряд в выходные дни в гарнизон? Знаю! Но тут сложились такие обстоятельства, что мне просто больше некого поставить в наряд в предстоящую субботу, а вы, товарищ лейтенант, должны знать, что обязаны выполнять последний приказ! Обязаны за ознакомление с приказом расписаться, а потом доложить своему начальнику о полученном распоряжении. Да и ко мне могли подойти и задать соответствующий вопрос. Я бы вам всё и объяснил. А вы! Вы поступили очень нехорошо. Очень!

– Теперича понял, что натворил? – напуская на себя ещё большую строгость, отрезал Иван Васильевич.

– Так точно! Прошу прощения! Больше не повторится! – выпалил я, почувствовав, что на этом разбирательство заканчивается.

– Всё! Иди. Мы с тобой об этом ещё поговорим. А за наряд распишись, и придётся в наряд по гарнизону сходить. Ничего тут не поделаешь – обстоятельства, – уже более спокойно сказал подполковник Шишкин.

Я пулей вылетел из кабинета.

До среды следующей недели я старался не попадаться на глаза Ивану Васильевичу. В среду он вызвал меня сам. Как только я вошел в кабинет командира полка и доложил о прибытии, Иван Васильевич встал из-за стола, медленно подошел ко мне, еле сдерживая смех, правой рукой хлопнул по плечу и сказал:

– Так значит, власть в наших руках, да? Ну ты, брат, даёшь! – и с теплым выражением лица, глядя в упор, продолжил, – надо, очень надо нам, политработникам, брать власть в свои руки! Мы ведь по сути, здесь представители партии. А ей и принадлежит вся власть в стране! За всё мы перед партией в ответе! За всё! Сказал ты солдату всё правильно, только впредь думай, что, кому и когда говорить. Понял?

– Так точно, – выпалил я и опустил голову.

– А от меня больше не прячься. Иди занимайся.

Вылетел я из кабинета на крыльях, сияя от счастья! Несколько дней после того я не ходил по нашей грешной земле. Я летал счастливый от того, что Иван Васильевич на меня ни чуточку не обиделся...

Борис Фёдорович Исмаков

повесть

1

Много лет своей армейской службы я занимал должности секретаря комитета комсомола части и помощника начальника отдела политработы по комсомолу, был членом пленума Красноярского краевого и Томского областного комитетов комсомола, членом бюро Томского -7 (Северского) городского комитета комсомола.

При вступлении в члены ВЛКСМ все молодые люди давали клятву быть в передовых рядах советской молодёжи, быть честными, справедливыми людьми. Далеко не все молодые люди той страны Советов были такими, когда стали комсомольцами, далеко не все. Но подавляющая часть из них были достойными гражданами нашей Родины. А уж в комсомольские вожжаки выдвигались достойнейшие из достойных. Об этом я знаю не понаслышке. За годы работы в комсомоле познал на собственном опыте. Секретарями комитетов комсомола полков и отрядов в нашем министерстве по штату были офицеры.

Комитеты комсомола полков имели права райкома комсомола со своим сектором учёта и даже штатным работником этого сектора.

Работая в комсомоле долгие годы, я знал многих замечательных ребят из числа рядовых комсомольцев и комсомольских активистов. С некоторыми из них я поддерживаю отношения до сих пор.

Вот почему в этом сборнике о моих сослуживцах я не могу не вспомнить и о них. Решил я написать о ярком и неординарном Борисе Фёдоровиче Исмакове. Прежде чем писать о нём, отмечу одну черту в характере этого человека – крайне его излишнюю скромность. Ещё будучи комсоргом роты, он часами мог рассказывать о прекрасных качествах и благородных поступках многих своих сослуживцев, ходатайствовать

об их поощрениях. Но когда вопрос касался его самого, Боря хмурил лицо, опускал вниз глаза, бормотал: «А я – то при чём? Меня-то за что, что я такого сделал?» О его работе, о его поступках как секретаря, как солдата мне всегда с восхищением рассказывали его помощники активисты. С таким характером уже убелённый сединами человек остаётся и по сей день. Говорю здесь об этом потому, что, приступая к работе над этим сборником, попросил я Бориса Фёдоровича сообщить мне некоторые данные из его биографии. Почти год прошёл со дня моей просьбы, когда Борис Фёдорович кое что прислал. Но написал так кратко, что из его до армейской биографии толком ни чего не напишешь.

2

Биография Бориса Исмакова чем-то схожа с биографией Александра Ивановича Лобанова – решающую роль в их нелёгкой судьбе сыграла минувшая Великая Отечественная война.

Отец Бориса Исмакова в конце тридцатых служил в районе западной границы. В 1939 году свою молодую жену он вывез вглубь страны подальше от надвигавшейся угрозы со стороны набиравшего силу германского национализма. В 1941 году в Казани и родился Борис. Прежде чем излагать краткую биографию этого парня, я должен поведать о том, что в его биографии сплошные белые пятна, которые он пока безуспешно, но старательно в наши дни пытается ликвидировать.

Как, где и кем воевал отец, Борис Фёдорович пока не установил. Но через несколько месяцев после победы над Германией отец был арестован. Дело в том, что многие из офицерского состава оккупационных частей Советской армии, служивших в освобождённой Австрии, были подвергнуты репрессиям за то, что руководству СССР не удалось установить в этой стране народно-демократический строй.

После ареста отца мама Бориса Фёдоровича перебралась в Литву, где проживала сестра отца. В городе Сопоцкин Боря пошел в первый класс. Там у него появился отчим. В Сопоцки-

не, расположенном на границе Польши, Литвы и Белорусии, большинство населения были поляки, которые мягко говоря, установившейся новой власти были недовольны. Жить там становилось небезопасно и семья покинула этот городок. Новым местом жительства Бориса Фёдоровича через несколько лет стал Свердловск, где он и проживает по сей день. До призыва в армию семья проживала в заводском бараке. После окончания школы юный Борис некоторое время поработал в клубе строителей кинемехаником, а потом пошел работать на важный оборонный завод имени Калинина. В цехе, где работал Борис, было много молодёжи. Комсомольцы цеха избрали его секретарём комсомольской организации.

Исмаков Б.Ф.

По закону все рабочие того завода не призывались в ряды Советской армии. Но нерадивых рабочих руководство завода разрешало военному комиссару района в армию призывать. Эти рабочие, естественно, были не комсомольцами. Вот тут-то и возникали трения между райвоенкомом и Борисом Исмаковым – первый требовал, чтобы все призывники были комсомольцами, а Борис был против приёма тех ребят категорически. Кроме того, комсомольского секретаря постоянно опекала партийная организация цеха и завода. Руководство «руководящей» и «направляющей» постоянно требовало от комсомольского вожака цеха проведения воспитательных мероприятий с рабочими цеха, проведения разного рода ме-

роприятий, порой формальных, никому не нужных и пустопорожних, роста численности комсомольской организации в ущерб качеству принимаемых и так далее. Принципиально юноше все это не нравилось. И в конце концов решил он избавиться от руководства комсомольской организацией, а чтобы добиться этого, пошел в райвоенкомат и попросился в армию. Районный военный комиссар тут же с радостью исполнил его желание.

После курса молодого бойца попал он служить во вторую роту нашего полка, а командование роты, изучившее данные новичков, рекомендовало комсомольцам роты избрать Бориса своим секретарём. Как говорят, откуда бежал, туда и прибежал.

В нашем полку в тот год было 12 рот, а в каждой роте под две сотни солдат. К тому же осенью следующего года УВСЧ Красноярск – 45 получило несколько сот призывников из расформированной в Ростовской области колонии несовершеннолетних. Страна начала строить коммунизм, «а в такой стране детских исправительных колоний быть не должно» – изрёк Никита Сергеевич. В наш полк этих ребят дали около двух сотен.

В то время мы как раз впервые столкнулись с так называемой «дедовщиной».

В это же время между СССР и США отношения были напряжены и шла нешуточная гонка вооружений. Министр Средмаша и командование в/ч 25525 требовали от нас скорейшего ввода в эксплуатацию крупных объектов и цехов важного оборонного предприятия. А тут ещё такой контингент призывников. В борьбе за дисциплину и порядок в полку командование и все офицеры делали всё возможное. Не остались в стороне и комсомольские организации.

Замполит полка Иван Васильевич Шишкин постоянно рекомендовал мне включать в планы работы комитета комсомола и ротных организаций проведение собраний по вопросам дисциплины, разбор на собраниях персональных дел нарушителей и прочее. Это давало какой-то результат. Но главным в этой работе оказалось формирование крепкого комсомольского актива и прежде всего подбор секретарей рот, а также постоянная работа с ними. И последнее с помощью замполита полка и командования рот у нас неплохо получалось. Такие ребята, как Виктор Рогатенюк в первой, Борис Исмаков во второй, Керимов в пятой ротах, Олег Матюхин в восьмой и другие ребята в солдатских коллективах взяли власть в свои руки и во многом определяли жизнь коллективов в нормальном режиме.

В пятой роте командир роты не имел даже заместителя. Очень слабый был старшина роты, но был Керимов – второе, а порой и первое лицо в роте. Маленького росточка капитан Агапов, командир этой роты, не отличался способностью воспитательной работы с подчинёнными. Офицером он стал во время войны. Там требовалось от командира умение организовать бой, грамотно в бою командовать. А тут время мирное и работа с подчинёнными должна быть очень разносторонней, вдумчивой и грамотной. Как я ни старался понять, почему все солдаты роты беспрекословно выполняли все распоряжения комсорга роты азербайджанца Керимова (солдаты, да и все мы называли его просто Керим, потому-то я и не помню его имени), я так ничего и не понял. Знаю только, что, если случалась какая беда или острая проблема у солдата пятой роты, Керим никому не давал покоя, пока не решит вопрос.

Однажды у одного солдата возникли серьёзные проблемы дома на родине и ему надо было туда съездить. Керим добился и этого. Отказал ему командир части один раз, он ходил и ходил к нему до тех пор, пока тот не вызвал начальника штаба полка и в сердцах сказал: «Выпиши отпускной вот этому

солдату. Этот чёртов Керим меня уже достал...» А заместитель командира полка по тылу, завидев Керимова, попросту прятался или кричал: «Я сейчас занят, поговорим потом», – и быстренько куда-нибудь ретировался. Он знал, что Керимов обязательно что-то будет требовать для роты.

Такая настойчивость и требовательность ко всем нам Кериму прощалась потому, что все мы знали – порядок в пятой роте держится исключительно на нём. Керим призывался из дальнего горного села Азербайджана. Окончил только начальную школу, потому как семилетки в маленькой деревушке не было. Его отец героически погиб на фронте. На воспитании у мамы оставалось пятеро детей. Керим был старшим и ему в десять лет пришлось идти работать в колхозе. Когда уходил в армию, его дедушка дал наказ служить хорошо, не опозорить имени погибшего отца. И Керим с честью выполнял наказ деда.

Активно и очень продуктивно работало бюро ВЛКСМ роты, комсоргом которой был Олег Матюхин. Его ротный был высок ростом, полноват телом, а отдачи в работе на грош. Тихий, незаметный, чрезмерно скромный Олег был главной фигурой в роте. Как это ему удавалось – рассказать не могу. От Олега о его делах в роте добиться было невозможно. «Я ничего», – отвечал он на мои вопросы, краснея. Но все мы знали, что он в роте человек самый влиятельный. Призвался он из г. Ленинграда. До призыва работал третьим секретарём райкома ВЛКСМ. Кстати, после увольнения в запас получил высшее образование, работал в партийных органах города, а после развала КПСС засветился на работе в госорганах Питера и Москвы. Много хорошего можно рассказать и о Викторе Рогатенюке, комсоре первой роты и моём нештатном заместителе, о комсоре третьей автомобильной роты и других отличных ребятах. Но самый глубокий след в работе комсомольской организации полка и в моей памяти оставил комсорг второй роты Борис Исмаков.

Его ротой командовал вполне нормальный офицер. Был во второй роте и заместитель командира роты, выпускник нашего же училища. Был во второй роте даже нормальный старшина роты, хоть и срочник. А раз во второй роте командование роты было вполне дееспособным, то в неё, как и в первую, и в третью роты командование полка направляло самых трудных, самых недисциплинированных солдат. И комсомольской организации роты по поддержанию нормальной дисциплины в коллективе приходилось работать очень много. С заместителем командира роты старшим лейтенантом Стениным Борис сформировал крепкий костяк активистов. Комсомольцы второй роты не позволяли в роте вольности тем, кто нарушал дисциплину. Ранее судимые парни во второй чувствовали себя неуютно. О работе со сложными ребятами Борис часто со мною делился, спрашивал совета. Часто приходил в комитет комсомола и ставил вопросы о неблагоприятных делах солдат других рот. Активисты у Бориса были ребята очень боевые, решительные и принципиальные.

Постепенно и незаметно у нас с Борисом Исмаковым установились очень доверительные отношения. Дело доходило до того, что он несколько раз выговаривал мне за мои неправильные действия. Как-то дежурил я по полку и в столовой во время завтрака накричал на одного солдата. Был очень измотан бессонной ночью, поэтому не сдержался. На следующий день Борис зашел ко мне в комнату комитета комсомола и смущаясь вполголоса сказал: «Товарищ лейтенант, а вы вчера зря накричали на того парня. Он парень хороший, к тому ж в том, что вы увидели, он абсолютно не виноват». По молодости я ответил Борису каким-то оправданием, но в моей душе навсегда осталось об этом замечании приятное воспоминание, а стена между мною, офицером, и рядовым солдатом Исмаковым с того дня разрушилась окончательно.

Вторая мировая унесла много жизней солдат и мирных жителей, сделала сиротами миллионы детей. Это было великое горе, но не меньшей трагедией было и то, что миллионы семей были разъединены и долгое время не имели возможности воссоединиться. Эвакуация на восток страны предприятий и рабочих, оккупация противником огромных территорий – всё это на долгое время разъединяло очень многих родных и близких.

Шестидесятые годы были тем временем, когда в ряды Советской армии призывались ребята, родившиеся в конце тридцатых – начале сороковых годов. Родители и родственники, разыскивавшие ребят, обращались за помощью в Министерство обороны. А последнее печатало списки разыскиваемых, рассылало по войсковым частям списки с приказом прочесть эти списки во всех подразделениях воинских частей.

Так однажды во время чтения такого списка на вечерней проверке во второй роте прозвучало – Фёдор Исмаков разыскивает сына Бориса Фёдоровича Исмакова...

Командование полка немедленно предоставило Борису отпуск с выездом в Харьковскую область, где его родной отец работал начальником одного из участков железной дороги. Боря полетел из края Красноярского в область Харьковскую. О своей поездке и встрече с отцом по возвращении в часть он сообщил маме.

Вскоре я заметил, что Борис ходит «чернее тучи». Мы поговорили, и он дал мне прочесть письмо от мамы. Бедная женщина писала то письмо в состоянии крайнего расстройства. Как сейчас помню на полях двух или трёх страниц следы её слёз. Мама упрекала Бориса за то, что он пролетел над Свердловском и не заехал повидаться с ней. Она предположила, что Боря после армии вернётся к отцу. Меня то письмо не на шутку расстроило, и я немедленно написал маме Бориса письмо. Моё письмо тоже было эмоциональным. Я рассказал маме, как переживал Борис, когда прочитал её письмо, напи-

сал о сыновней любви. Моё письмо было тоже в несколько страниц. Как-то недели через две ко мне в комитет комсомола зашел Борис, он сиял от счастья. Я с кем-то разговаривал, а Боря скромно присел на стул у стены и ждал, когда в комнате мы останемся одни. На мой вопрос Борис, как всегда, кашлянул в кулак, тихо произнёс: «Получил письмо от мамы. Всё нормально. Она передаёт вам большой привет...»

После увольнения Бориса мы с ним поддерживали контакт. Года через четыре, уже из Томска-7 (Северска) был я в командировке в Свердловске. Созвонились с Борисом, встретились. Я даже остался у него ночевать. До поздней ночи мы с ним говорили, и тем не менее времени у меня не хватило, чтобы расспросить подробнее о его жизни на гражданке. Видел я его красавицу жену, которая вот-вот должна была родить. Видел смущённые взгляды его мамы. Радовался за Бориса.

6

Как работал комсорг второй роты Борис Исмаков, наглядно говорит и такой факт. Служил во второй роте маленького росточка солдатик, точно не припомню, как его звали, кажется, Сергей. Так и назовём его. Призвался он на службу после детского дома. Не было у того солдатика ни родных ни близких. Чтобы никто из солдат не мог обидеть паренька, Борис пристроил его работать в дежурную смену слесарем в котельную, где работал сам. По каким-то причинам Серёжка не закончил седьмой класс. А в полку работала вечерняя школа. Борис потребовал, чтобы он записался и стал посещать школу. Поскольку парень призвался осенью, а в то время призыв в ряды Советской армии был только после первого сентября, в школу он мог пойти только на следующий после призыва год. Но Борис через пропагандиста полка капитана Козлова Владимира Ивановича, который по поручению командования части курировал работу школы, пристроил Сергея в школу в декабре, да ещё и в седьмой класс. В свободные минуты в роте всё

отделение ребят, в котором служил наш школьник, усердно занималось с ним математикой и физикой, русским и иностранным языками, писали сочинения. В результате за первый год службы тот воин успешно окончил седьмой и восьмой классы. За второй год парень закончил девятый и десятый, а на третьем году службы в июле месяце получил вызов из МГУ, и был досрочно демобилизован. Тогда солдат, поступавших в ВУЗы, увольняли к моменту начала вступительных экзаменов. В знаменитый московский ВУЗ тот паренёк поступил и успешно в нём учился. Когда он обучался уже на втором курсе, я был переведен для прохождения службы в Томское Управление войск и с переездом потерял номер телефона моей знакомой доктора наук химического факультета МГУ. Потерял и след того незаурядного, очень способного паренька.

Лирическое отступление – хочу рассказать, как я познакомился с важной особой с химфака МГУ.

В июне 1965 года я возвращался из отпуска. Автобусом из Элисты приехал в Дивное Ставропольского края. Оттуда отправлялся поезд из нескольких вагонов в г. Ставрополь. Прибывал поезд в краевой центр рано утром, уже там формировался состав из вагонов Махачкалы, Дивного и Ставрополя. А отправлялся тот поезд в Москву часов в семь вечера. В Ставрополе я перебрался в купейный приличный вагон. Когда уже по радио объявили об отправлении поезда, человек шесть мужчин занесли в купе молодую, небольшого росточка, лет тридцати пяти женщину. Притащили в купе несколько корзин с виноградом, яблоками, помидорами, огурцами, пирогами и молоком. Все мужчины были навеселе. Проводница требовала от мужчин немедленно покинуть вагон, поезд-то уже отправлялся, а они всё хлопотали, расставляя в купе корзины, наказывая мне, как зеницу ока оберегать мою спутницу.

Утром поезд прибыл в г. Ростов. Спавшая на второй полке женщина проснулась, выглянув на меня из-под простыни, отвернулась к стене и долго продолжала лежать неподвижно.

Наконец, женщина резко поднялась и, сидя на полке, хриплым голосом произнесла: «Молодой человек, вы меня простите. Я, очевидно, причинила вам какие-то неудобства».

Ответив, что никаких неудобств она мне не причинила, я вышел из купе, давая возможность соседке подняться и привести себя в порядок.

Позже соседка предложила познакомиться и вместе позавтракать. Выкладывая на стол пирожки и бутылки с молоком, виноград и прочую вкуснятину, она поведала мне о том, что с нею произошло.

Женщина впервые за много лет посетила малую родину по случаю встречи с одноклассниками. Но в самый разгар празднования ей через участкового милиционера сообщили о ЧП на одном из химических предприятий Подмосковья. А так как производственная технология была разработана по её научной разработке, ей было велено срочно прибыть на тот завод и принять участие в расследовании ЧП.

– Я ведь доктор химических наук, работаю в МГУ. Вчера на встрече с одноклассниками я впервые в жизни выпила больше одного бокала вина. По дороге на вокзал в машине уснула и не помню, как сюда попала, – поведала моя соседка.

Около двух суток с необычной соседкой мы практически вдвоём ехали до самой Москвы. Перед Харьковом к нам в купе сели две какие-то женщины, в Харькове они вышли и дальше мы ехали одни.

Соседка подробно расспросила и меня о моём житье-бытье. А узнавши, что я заочно учусь в строительном институте Новосибирска, закончил второй курс и дальше мне учиться уже неинтересно и я подумываю строительный институт оставить, соседка предложила мне поступать на учёбу к ней. Она вырвала из своего блокнотика лист, записала свой домашний телефон, фамилию и имя, имя мужа, вручила мне записанное и велела звонить ей, если решу поступать в МГУ. «Не бойтесь. Поступите. Я вам помогу», – твёрдо сказала женщина.

Поступать на заочные отделения ВУЗов офицерам в то время разрешалось только на родственные специальности. Да и вообще химия в школе для меня была предметом не очень почитаемым. Сдал по ней экзамен и забыл.

И вот, когда Борис Исмаков со своими помощниками засуетились и стали думать, куда после армии пристроить своего подшефного, я и вспомнил о своей знакомой из МГУ. Позвонил ей и подробно рассказал о Серёжке.

– Немедленно присылайте его документы в наш университет. Когда получит вызов и будет ехать в Москву, позвоните мне. Я его встречу и всё устрою.

Кто-то из ребят второй роты в день прибытия поезда в Москву подошел ко мне и спросил, неизвестно ли мне, как дела у Сергея. Вечером того же дня после работы я потопал на телеграф нашего города и снова позвонил моей знакомой.

– Серёжа приехал, я его на вокзале встретила. С Серёжей всё будет нормально. Не беспокойтесь, – завершила моя знакомая.

Сергей с ребятами из второй роты переписывался, они общались мне, что их подопечный в МГУ освоился, проживает в общежитии, учёба даётся легко.

Так заботился комсомольский вожак второй роты Борис Исмаков о солдатах. Все солдаты второй роты Бориса уважали за его честность, неподдельную скромность и принципиальность. Поэтому вместе со своими друзьями Борис оказывал неоценимую помощь командованию роты и части в поддержании образцового порядка и выполнении личным составом стоявших перед подразделением нелёгких задач. Кстати, историю с солдатом-сиротой Борис Фёдорович сегодня не помнит. Думаю потому, что подобных дел у него было немало.

Александр Фёдорович Ананьевский

повесть

Александр Фёдорович (в центре) с супругой.

1

С полковником Александром Фёдоровичем Ананьевским я познакомился ещё будучи курсантом военного училища в 1961 году. Летом того года мы, курсанты третьего курса, проходили стажировку в Томском Управлении войск.

Нас в количестве 12 человек направили стажироваться в военно-строительный отряд, который дислоцировался на северной окраине города Томска в районе, который именуется Каштак. Командовал отрядом майор Намжилов Гонгор Доржиевич. Отдали нас приказом по Управлению стажерами заместителями командиров рот.

Мы с Ильёй Ульяновым попали в 6 роту отряда. На второй день после нашего представления личному составу роты заместителя командира этой роты старшего лейтенанта Никитина отпустили в отпуск за два года почти на три месяца. А ещё через день во время утренних мероприятий начальник Управления полковник Примин палкой погнал из роты командира

нашей роты. Последний очень обиделся на такое оскорбление своей личности, написал жалобу в Москву и в роте больше не появлялся, хотя с семьёй жил в санитарной части отряда.

Попутно замечу, что того капитана из роты надо было гнать не палкой, а грязной метлой, чтобы оградить солдат от такого командира.

В тот день он лично присутствовал на подъёме роты. По команде дежурного: «Рота, подъём!» поднялось десятка четыре солдат последнего призыва. Остальные подниматься и не думали, как ни требовал ротный. На физзарядку из казармы вышло уже шестьдесят человек из 140 списочных. А когда подали команду: «Строиться на завтрак!», подхватились остальные. Быстро одевшись, воины второго и третьего годов службы, не заправляя коек, ринулись в умывальник, сполоснули лица и через окно той же комнаты отправились гурьбой в столовую. Кровати за них заправляли дневальные по роте.

В каждой роте утренние мероприятия в тот день проверяли офицеры штаба Управления во главе с начальником Управления. После проверки о результатах все они доложили полковнику Примину. Надо сказать, что и во всех остальных ротах дисциплина и порядок не блистали, но наша шестая рота оказалась «самой – самой». И полковник Примин тут же и пришел в нашу роту. Капитан отдал рапорт начальнику Управления по всей форме, заявив, что рота занимается по распорядку дня и в ней без происшествий. На вопрос полковника, как прошли утренние мероприятия в роте, капитан, не моргнув глазом, ответил: «Нормально». Тут-то вскипевший полковник и схватился за палку, а капитан, убегая, метнулся в умывальник, а из него сиганул через оконную раму на улицу.

Так мы с Илюшей Ульяновым остались почти на три месяца одни командовать нашей шестой ротой. Меня назначили командиром роты, а Илюшу заместителем. Почему не наоборот? Не знаю. Может, потому, что Илья был очень маленького роста.

Нелегко пришлось нам проходить ту стажировку, но образцовый порядок в роте мы с Илюшей навели. Уже через четыре дня все солдаты нашей роты поднимались на подъёме, все выходили на физзарядку, только строем рота приходила на завтрак. А на утреннем разводе была самой многочисленной в отряде, на что каждый раз обращал внимание командир отряда.

Недели через две меня, как полноценного командира роты, стали назначать и дежурным по отряду.

И вот однажды в субботу вечером, когда отряд приготовился к просмотру кинофильма, а демонстрировали фильмы в отряде из-за отсутствия клуба зимой в столовой, а летом прямо на улице, с КПП мне доложили, что в отряд приехала «Волга» из Управления войск. Присутствовавшие на вечерних мероприятиях офицеры отряда тут же метнулись по ротам. Я понял, что приехал кто-то из больших начальников Управления и направился к машине с рапортом. Навстречу мне уже шел высокий стройный офицер в полевой форме. Повстречавшись, я стал рапортовать, но кто этот начальник – по званию не вижу. Ведь на дворе сумерки, а он в полевой форме. Звёздочки на погонах зелёного цвета и очень плоские. Я и назвал его старшим лейтенантом.

Приняв от меня рапорт, офицер поздоровался со мною за руку. Когда мы с ним направились к солдатам, великан тепло обнял меня за плечи и сказал: «Сынок, старшим литинантом я був еще в 1935 году. Но ты нэ пэрэживай, я тибя понимаю. Тэмнэнько ж. Нэ пэрэживай». Это и был полковник Ананьевский.

Обойдя территорию отряда, посетив несколько рот, уезжая Александр Фёдорович сказал мне тогда: «Як ты командуешь ротой, мне извисно, молодэць. Так и дижурь. Подробный мы с тобою ище познакомымся. Всёго доброго».

Полковник уехал, а тепло его обращения осталось со мною навсегда.

До 1967 года служил я в в/ч 33960 секретарём комитета комсомола в Красноярске – 45 (Ныне Зеленогорске). Звание имел старший лейтенант. Полк наш, как выполнивший свою задачу, расформировывался. Приехавший из центрального Управления войск по этому поводу заместитель начальника отдела кадров, в то время подполковник Иванов Всеволод Александрович, спросил меня, куда бы я хотел ехать для дальнейшего прохождения службы. Я, уже решивший связать свою дальнейшую службу с политработой и желая получить соответствующее образование, заявил: «Согласен ехать куда направите, но хотелось бы поехать туда, где есть поблизости ВУЗ с историческим факультетом». Всеволод Александрович сказал: «В Томском Управлении войск есть несколько вакантных должностей политработников. В Томске же есть и госуниверситет с соответствующим факультетом. Я сейчас позвоню туда, согласую, а вы пока подождите в приёмной. Я вас вызову». Минут через двадцать дежурный по штабу УВСЧ и велел мне заходить. «В томском Управлении есть должность старшего инструктора отдела политработы по клубно-массовой работе. Начальник Управления и его заместитель по политчасти против вашей кандидатуры не возражают. Если согласны – выписываю предписание», – сказал подполковник. На моё сомнение, что клубной работы я не знаю, Всеволод Александрович ответил, что специалистов на эту должность мы пока не готовим. Если постараетесь – справитесь. Я дал согласие и получил направление в Томск – 7.

Начальником отдела политработы к тому времени был ещё Александр Фёдорович. А когда я ему представился о прибытии для прохождения дальнейшей службы он и напомнил мне свои слова, сказавши: «Кажись я вам говорил, шо мы с вами еще послужим. Так?» Я, естественно, выпалил:

– Так точно! Говорили.

– Ну, вот и хорошо, што помните, – сказал Александр Фёдорович и стал вводить меня в круг моих обязанностей.

Как только Александр Фёдорович представил меня офицером отдела политработы и вышел из нашего кабинета, где мы теснились впятером, помощник начальника отдела политработы по комсомолу капитан Кондаков Валерий Андреевич сказал: «А ты чё сидишь, задумался? Давай, беги в гастронорм. Если денег сейчас с собою нет, не расстраивайся, займём до получки». Я тут же и собрался идти в магазин. Валерий Андреевич пошел мне помогать. Только мы с ним вышли на крыльцо здания штаба, как навстречу нам идёт Александр Фёдорович.

– Куда это ты повёл нашего новичка? – строго спросил Кондаков Александр Фёдорович?

– Да мы тут по-быстрому, в одно место, сейчас вернёмся, – бойко ответил нерастерявшийся Валерий Андреевич.

– Ох, Кондаков! Смотри у миня! Знаю я, в какое место пошли. Знаю, – сказал Александр Фёдорович и вошел в здание штаба.

Насмерть перепуганный я стоял какое-то время как истукан, не зная, что делать. Потом ринулся, было, к входной двери, чтобы вернуться в кабинет. Но Валерий Андреевич подхватил меня под руку и повел вниз по ступеням с крыльца. «Не дрейфь, – сказал он при этом, – наш дед, – так называли Александра Фёдоровича про меж себя офицеры штаба Управления, – мужик ещё тот. За работу он с тебя будет спрашивать по всей форме, а заботиться о тебе будет лучше мамы. И не дай бог кому-нибудь поругать тебя или наказать, он ему такое устроит, что больше не захочет на тебя даже голос повысить. Куда и зачем мы пошли, он, конечно, догадался, но видишь же, пальчиком погрозил и всё. Понимает, что это традиция и что ничего с этим не поделаешь».

Купленное в магазине мы сложили в большой чёрный портфель Валерия Андреевича, вернулись в кабинет и закрыли в сейф. После работы закрылись в кабинете на ключ, расселись

возле стола Валерия Андреевича и скромно отметили моё новое назначение.

С первого дня Валерий Андреевич стал меня опекать как хороший наставник. Попытался по всяким пустякам подсаживать и делать мне замечания Иван Степанович Кузнецов, ставший впоследствии начальником отдела политработы и начальником Управления. Но Валерий Андреевич в первые же дни не очень вежливо пресёк это.

Я с первых дней понял, какая незаурядная личность мой новый начальник, и стал постоянно расспрашивать капитана Кондакова об Александре Фёдоровиче, с которым они служили уже не один год.

Первое, о чём я спросил Валерия Андреевича, почему Александр Фёдорович, будучи ещё в тридцать пятом старшим лейтенантом, участник Великой Отечественной, а до сих пор только полковник и имеет такую небольшую выслугу лет. Валерий Андреевич мне и поведал кое-что из служебной биографии Александра Фёдоровича.

И вот что я узнал. В тридцать девятом году Александр Фёдорович был уже полковым политруком, слушателем военной академии РККА. Но случилось непредвиденное.

По акту Молотова – Риббентропа наши войска в Белоруссии и в Украине перешли западную границу. Сотрудники НКВД приступили к тщательной проверке населения вновь занятых территорий. Во Львовской области нашёлся родной дядя Александра Фёдоровича, а в анкете Александр Фёдорович написал, что родственников за границей у него нет.

Львовская область, как и все вновь занятые территории, Россией была утрачена в результате Первой мировой войны. О существовании за границей родственников юный Александр Фёдорович знать – не знал. Контактных-то абсолютно никаких с ними не было. Родители об этом помалкивали, как и все граждане тогдашнего СССР в подобных случаях.

За «обман» органов Александр Фёдорович был репрессирован. Его лишили офицерского звания и всех наград, на-

правили искупать вину в места не столь отдалённые. И только во время войны был из лагеря освобождён и отправлен на фронт. Воевал храбро, за что был восстановлен в воинском звании, а по окончании войны остался служить.

4

Чем же запомнился мне этот незаурядный офицер? Чем навсегда оставил он добрую память в моей душе? Почему я, где бы ни служил, кем бы ни работал, всегда вспоминаю моего глубокоуважаемого начальника и мудрого наставника?

Прежде всего Александр Фёдорович прославился своей простотой, скромностью во всём, защитником всех и от всего. Все офицеры, прапорщики, сержанты, военные строители и служащие частей знали, что к полковнику Ананьевскому можно обратиться в любое время суток и по любому вопросу. И если к нему кто-то обращался с жалобой или какой-то просьбой, Александр Фёдорович всё бросал и в срочном порядке занимался проблемой обратившегося.

Мы, офицеры его отдела, постоянно задавали вопрос: «Когда же наш дед отдыхает?» В своём кабинете он во все рабочие дни был уже в семь утра. Когда дежурили по Управлению, знали, что полковник Ананьевский может в штабе появиться поздно вечером и даже глубокой ночью, независимо от того, какой был день – рабочий, выходной или праздничный. В выходные и праздничные дни Александр Фёдорович обязательно объезжал полки и отряды, присутствовал на культурно – массовых и спортивных мероприятиях.

Положение дел в подчинённых частях он знал досконально. Поимённо Александр Фёдорович знал всех офицеров, прапорщиков и сверхсрочников очень большого в то время Управления. Знал и деловые качества большинства из них.

Валерий Андреевич, побывавший однажды в квартире Александра Фёдоровича, рассказывал, как скромно была обставлена его квартира. Семья полковника была многодетной и проживала в большой квартире. В одной из комнат Александр Фёдорович оборудовал свой уголок, а в нём стоял простой од-

нотумбовый, покрытый скатёркой стол, рядом – самодельные полки для книг. Возле стола на полу лежали гантели килограмма на три. Кстати, когда я проходил службу в в/ч 11102 и был в командировке в Москве, проведаль Александра Фёдоровича, проживавшего на пенсии в городе Обнинске. Я от души порадовался молодцеватым видом моего бывшего начальника, а тот поведал мне, как он поддерживает своё здоровье. Рассказал Александр Фёдорович о ежедневных пробежках по утрам, показал свои гантели и какие упражнения он с ними делает. «Эти гантели, – сказал он, – у меня ещё с Германии. Как после войны купил их там, так везде с собою и вожу, и каждый день с ними занимаюсь».

Сын Александра Фёдоровича рассказал Валерию Кондакову, а последний мне, что отец ежедневно поднимается очень рано, делает зарядку, завтракает и садится читать. Практически всегда он читал работы классиков марксизма: К. Маркса, Ф. Энгельса и Ленина. Собрания сочинений этих авторов стояли на полках у его стола. Много Александр Фёдорович читал и художественной литературы. На занятиях по Марсистско – ленинской подготовке он часто страницами цитировал не только классиков марксизма, но и М.Шолохова, Л.Н.Толстого, А.С.Пушкина, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова и других писателей.

Исполняя обязанности старшего инструктора по клубно – массовой работе, я занимался распределением подписных изданий. Как только приходила из ГК КПСС разрядка на подписные издания, я обходил командование Управления и опрашивал, кто и что будет выписывать. Александр Фёдорович, просмотревши список выделенных изданий, всегда говорил: «Всё это у меня есть» или: «Всё это я уже читал».

Троих своих детей Александр Фёдорович растил и воспитывал в спартанских условиях. С малых лет все они обслуживали себя сами. Каждый имел свой участок работы по дому. В доме строго выполнялся распорядок дня. Все трое детей только на «хорошо» и «отлично» учились в школе, окончили ВУЗы, сами хорошо устроились и в жизни.

До самозабвения любил Александр Фёдорович народное искусство. 1967 год был юбилейным, вся страна готовилась отмечать пятидесятилетие Октябрьской революции. Начальником центрального Управления наших войск был объявлен конкурс художественной самодеятельности, и мы начали к нему готовиться. На базе штатного оркестра Управления воссоздали ансамбль песни и пляски. Численность ансамбля была доведена до ста шестидесяти человек. Десятка полтора ребят мы провели за счёт комендантской роты Управления, по два человека за счёт комендантских отделений частей и отрядов. Многие наши певцы и танцоры числились в хозяйственной обслуге частей. Пришлось из-за этого ругаться Александру Фёдоровичу с его самым близким другом начальником штаба Управления полковником Поселёновым Михаилом Ильичём. А заместитель начальника Управления по тылу подполковник Минаев Валентин Андреевич, зная, что всё равно Ананьевский своего добьётся любым путём, проводил наших музыкантов по хозяйственной обслуге без ругани. Бывало, позвонит ему командир какой-нибудь части, докладывает, что Ананьевский опять увёз из части солдата, «попросив» перевести оного в хозяйственный взвод. Валентин Андреевич одними губами ругнётся, махнёт рукой, а в трубку скажет: «Ну что я теперь могу поделать! Жаловаться начальнику Управления мне уже надоело, да и всё ж равно Ананьевский своего добьётся».

Очень часто по вечерам Александр Фёдорович посещал расположение ансамбля. Придя в казарму, где жили наши музыканты, тихонько пройдёт по коридору, прислушиваясь, где, что и кто играет или поёт. Потом зайдёт в комнату баянистов и попросит сержанта сверхсрочной службы Михайловского сыграть какую-ни будь украинскую мелодию. Никогда не проходил мимо класса, где занимался цыганский ансамбль. Как только полковник заходил в комнату к ребятам цыганам, руководитель цыганского ансамбля Лазо Христофоров сразу брал гитару и спрашивал Александра Фёдоровича, что спеть.

Любил полковник слушать песни в исполнении баритона Владимира Марченко, грузинские мелодии в исполнении кларнетиста Валишвили, часто слушал игру скрипача и пианиста. Если кто из ребят жаловался Александру Фёдоровичу на старый инструмент, на неподходящий концертный костюм или что-то другое, тут же следовало: «Товырыш Пэрэпэлятников, надо помочь...»

Сколько тысяч рублей выбил Александр Фёдорович у начальников Управлений войск и стройки, мы тогда сбились со счёта. С мая месяца и до сентября мы закупили большое количество различных инструментов для музыкантов. Купили даже полный комплект чешских посеребренных саксофонов. Пошили немалое количество костюмов, сапог, головных уборов для танцоров. Для хора, эстрадного и духового оркестров пошили концертную военную форму. Шестнадцать костюмов пошили для цыганского ансамбля. Надо заметить, что мужские и женские костюмы для цыган шились из очень дорогих тканей. Я с трудом в областном Томске нашел ателье, которое взялось шить эти костюмы. Содрали с нас в том ателье приличную сумму.

Руководил всей подготовкой к смотру нашего коллектива хормейстер нашего театра музыкальной комедии Владимир Вихров. Сейчас это известный в Москве театральный хормейстер. У нас он работал на половину ставки по совместительству.

Только благодаря разносторонней помощи и поддержке Александра Фёдоровича наш коллектив занял первое место в смотре конкурсе в/ч 25525.

6

Имел Александр Фёдорович и два существенных недостатка. Первый – это то, что он очень много курил. Заканчивая курить одну папиросу, он тут же брал в рот новую. Жена говорила, что он и ночью поднимался курить.

Вторым недостатком было его пристрастие к быстрой езде на автомобиле. Садясь в автомобиль рядом с водителем, он

часто говорил: «Ваня, аллур тры хрыста! Гоны!» И водитель политотдельской «Волги» Ваня рвал с места и выжимал из мотора всё, на что он был способен. Дважды мы с Александром Фёдоровичем едва не попали в опаснейшие ДТП.

Первый раз дело было на дороге меж нашим ЗАТО и Томском. По каким-то делам ездили мы с Александром Фёдоровичем в часть, что дислоцировалась в областном центре. Возвращаясь в Управление, заехали в книжный магазин, потом направились в Универмаг, и тут Александр Фёдорович говорит: «Чёрт побэры! Сёдня ж в тры часа бюро горкома. Ваня, на моих бэз дэсяты тры. Гоны!» И Ваня утопил педаль газа до пола. В считанные минуты «Волга» вылетела за город и понеслась по бетонке в сторону нашего ЗАТО. Нагоняем новенький самосвал ЗиЛ. Ваня начинает его обгонять. Когда автомобили на узкой без отсыпанных обочин бетонке поравнялись, водитель самосвала, не уступая нам, прибавил газу тоже. Минут пять автомобили неслись рядом. Но вот из-за крутого поворота навстречу показался тяжелогруженный МАЗ с прицепом. Водитель самосвала резко затормозил, и мы какими-то миллиметрами разминулись со встречным грузовиком. Я, видя неминуемое столкновение с грузовиком, из всех моих сил руками упёрся в переднее сидение и когда наш автомобиль чудом разминулся с грузовиком, пребывая в каком-то оцепенении, долго не мог прийти в себя. А очнувшись, услышал спокойный голос Александра Фёдоровича: «Ваня, пожалуста будь поосторожней. Я то чёрт с ним, но сзади ж сыдыть молодой отец». Ровно месяц до того дня в моей семье родился первенец.

Второй раз нешуточная аварийная ситуация у нас возникла на проспекте Коммунистическом у дома, где жил Александр Фёдорович.

Возвращались мы с Александром Фёдоровичем из какой-то части. Время было обеденное. Сначала Ваня повёз домой Александра Фёдоровича, потом должен был завезти меня на

Лесную, где я в то время жил, а потом ехать на обед в в/ч 11013, где в то время жила и столовалась авторота УВСЧ.

Едем по проспекту Коммунистическому со стороны площади Ленина. Только Ваня лихо обогнал какую-то автомашину, как стали проезжать мимо въезда во двор дома, где жил Александр Фёдорович. И Ваня, почти не снижая скорости, крутанул баранку влево. А буквально в нескольких метрах навстречу ехал большой пассажирский автобус. Водитель автобуса черноусый дядька так затормозил свой автомобиль, что он едва не встал дыбом, а жирные чёрные полосы на асфальте дорожного покрытия, оставшиеся от торможения автобуса, видны были несколько месяцев. Разминулись мы с автобусом буквально какими-то миллиметрами.

Как только наша «Волга», пролетев тротуар, остановилась меж домами, Ваня положил свою головушку на баранку руля и громко выдохнул.

Следом за автобусом на ГАЗ – 69 ехал начальник ГАИ города. Осторожно объезжая колом стоявший автобус, гаишник свернул во двор за нами. Увидав гаишника, Александр Фёдорович, пулей вылетая из машины, крикнул Ване: «За гаражи, туди направо и на Ленина! Давай скорый!» А сам, расставив в стороны руки, что-то говоря, пошагал навстречу гаишнику.

Начальник ГАИ хотел, было, объехать Александра Фёдоровича и гнаться за удиравшим Ваней, но полковник надёжно преградил ему дорогу.

– Сколько можно терпеть вашего гонщика! – прокричал грозный капитан, вылезая из машины.

– Та який вин тоби гонщик. Ты шо придумав? Ну, торопыцьця колы хлопчик, так вин же хоче нэ опоздать. Служба ш... Ты успокойся, пожалуста, успокойся. Давай по-хорошому побалакаем. А со своим шохвиром я розбэрусь, внушэние зделаю. Вин бильше нэ будэ, нэ будэ, – причитал наш «дед», успокаивая кипевшего гаишника.

Здесь надо отметить, что ГАИ в то время военнослужащих наказывать права не имела. Но следить за безопасностью до-

рожного движения была обязана. И управу на любого военнослужащего нарушителя могли найти запросто. Им всегда можно было обратиться в ВАИ гарнизона, в прокуратуру, наконец, самым действенным средством воздействия были ж и партийные органы. Поэтому, с инспекторами ГАИ нам и в то время считаться приходилось.

«Аварию я предотвратил, но что там у меня в автобусе? Как там мои пассажиры? Идите, смотрите сами», – сказал подошедший, красный, как свёкла, усач. И гаишник с Александром Фёдоровичем поспешили к автобусу. К счастью, от резкого торможения никто из пассажиров автобуса травм не получил.

Вечером того же дня я спросил Ивана, влетело ли ему от «деда». «Не, – сказал наш гонщик, – только попросил впродь быть поосторожней». Недели через две Ваня уехал домой в отпуск поощрению в Волгоградскую область. А вновь взятый взамен водитель через неделю, как и Ваня, стал «гонщиком».

7

По достижении предельного для службы возраста Александр Фёдорович написал рапорт об увольнении в запас и стал готовиться к увольнению. Но никто в Управлении, кроме командования, об этом не знал.

Неожиданно для всех нас служебную «Волгу» он отправил на ремонт и стал ездить на своей личной. Из в/ч 40317 попросил отделение солдат отделочников, и ребята отремонтировали его служебный кабинет.

Месяца три наш «дед» ожидал приказа министра обороны. Всё это время работал как ошалелый. Мы, офицеры отдела политработы, строили только догадки, почему так взвинтился наш «дед». Московская комиссия недавно нас проверяла. Оценку поставили хорошую, скоро с проверкой приехать не должны. Может, готовится на повышение, так возраст уже не тот. Но тогда почему? Недоумевали мы.

И вот однажды, как гром среди ясного неба, прозвучало из уст Александра Фёдоровича: «Товарищи охвицеры, я увольняюсь в запас. Приказ уже пришел. Дня через три – четыре соберусь и уеду. Если кого обидел – простите. Не поминайте лыхом, – с грустью в голосе произнёс он, обвёл всех нас долгим пронизывающим взглядом и продолжил, – может у кого есть ко мне какие вопросы или претензии? Говорите, не стесняйтесь». В кабинете на несколько минут воцарилась гробовая тишина. Не знаю, как у остальных, но у меня ком сдавил горло, промокли глаза...

Прибывший новый начальник отдела политработы майор Сиротский Евгений Павлович все годы нашей с ним совместной службы относился ко мне очень хорошо. И ко мне, и ко всем офицерам нашего отдела и штаба Управления был очень требователен. Когда был начальником отдела политработы, и когда стал начальником нашего Управления, за успехи поощрял, а нерадивых и допускавших нарушения по службе строго карал. Мы часто с ним подолгу разговаривали, как говорят, «за жизнь», часто вместе ездили по подчинённым нам частям. Ездили вдвоём даже по грибы. Он всячески содействовал мне в учёбе в университете, где я учился заочно. Если мне срочно нужно было посетить университет, Евгений Павлович отпускал меня всегда безоговорочно, какие бы в тот момент ни были у нас дела. Несколько раз отпускал на сессии, не издавая приказ, чтобы я за период пребывания на сессии получил полное денежное довольствие. Ведь учебные отпуска в то время военнослужащим предоставлялись с оплатой из расчёта сто рублей за месяц, минус подоходный налог в размере 13%. А у меня было трое несовершеннолетних детей и жили мы в ту пору очень скромно.

Все годы службы под командованием Евгения Павловича и когда он был начальником отдела политработы, и начальником Управления, я вспоминаю с теплом. Я до конца дней своих буду благодарен ему за совместную службу. Имел я

счастье служить под началом и многих других замечательных офицеров наставников, по-отечески относившихся ко мне. Но годы совместной службы с Александром Фёдоровичем Аняньевским я выделяю особо. Почему? Да не знаю! Возможно, так на меня повлиял его характер и его отношение к службе. Возможно.

Долгие годы я даже переписывался с Александром Фёдоровичем после его увольнения в запас. В письмах он живо интересовался делами в Управлении, моими служебными делами. Я всё подробно ему докладывал, отчитываясь как перед отцом.

Однажды в самом начале восьмидесятых послал я Александру Фёдоровичу поздравительную открытку, на которую его супруга написала мне, что Александр Фёдорович навсегда ушел от нас.

Нет слов, которыми я мог бы выразить своё состояние, получив это известие.

Александр Иванович Лобанов

повесть

1

Судьба свела нас с прапорщиком Александром Ивановичем Лобановым в нашем славном полку в в/ч 11102 в Томске -7. Там я служил сначала пропагандистом и агитатором, потом заместителем командира полка по политчасти. Саша в эти годы был прапорщиком, начальником клуба части.

Родился он в 1939 году в семье офицера пограничника. В 1941 году отец служил на беспокойной Западной границе СССР. В их семье было трое детей. Старшей сестрёнке в срок первом было лет пять, Саше – два с небольшим, а самый младший братишка был ещё грудничок.

С началом войны командование организовало эвакуацию семей пограничников на восток. Поезд, в котором ехала Сашина мама с тремя детьми, попал под бомбёжку немецких самолётов и мама погибла. Все трое детей остались живы и были отправлены по детским домам. Почему по разным детским домам и даже в разные города, неизвестно. Думается, что в той обстановке решалось одно – как можно быстрее отправить всех выживших подальше на восток.

Саша оказался в детском доме Тульской области. Расстались дети на многие, многие годы. Сестра нашла сначала младшего брата, когда он служил в Советской армии. Жил он в городе Баку. В это же время младшего брата, а через него и сестру нашел их отец. Он проживал в Прибалтике. Тяжелораненым попал в плен. После войны за это был репрессирован. Сашу сестра и брат нашли, когда отец уже умер.

После окончания семилетки Саша был направлен в ФЗО. (Заведение фабрично – заводского обучения.) После его окончания и получения специальности «тракторист», был направлен в Казахстан поднимать целинные земли. Там же вступил в комсомол, был даже комсоргом бригады трактористов в труднейших условиях первых, необустроенных лет. Работать приходилось от зари до зари. Не выдерживала круглосуточной работы новая техника, а молодые ребята держались, выполняя за смену не одну норму. Если ломался трактор или комбайн, его оттаскивали на край поля, на полевом стане механизатору тут же давали новую технику и работа продолжалась.

Сначала полевой стан героев целинников состоял из нескольких спальных вагончиков, столовой и нескольких линеек сельхозтехники под открытым небом. Постепенно стали вырастать посёлки целинников. Года через полтора бригаду, в которой работал Саша, поселили в небольшой домик без особых удобств. Еду трактористам в том же домике на печке готовила пожилая женщина. Продукты целинникам доставляли исправно и в хорошем ассортименте. Неплохо готовила повариха. Вот только была она большой неряхой.

Ребята мирились с тем, что не очень чистой была посуда, с грязным передником поварихи, но некоторые её привычки вызывали отвращение. Например, разогревая в большой кастрюле на плите вкусно пахнущий борщ, помешав его большой деревянной ложкой, она тут же и облизывала ее. На осторожные замечания и просьбы ребят не делать этого, женщина реагировала недовольным ворчанием. Воздерживаясь от этой своей привычки какое-то время, потом начинала повторять её снова.

Тогда Саша Лобанов решил проучить несносную женщину. На тыльную часть большой деревянной ложки, которой орудовала повариха при приготовлении пищи, он вонзил несколько кончиков рыболовных крючков. И когда в очередной раз повариха лизнула ложку, жальца крючков и вонзились в её язык. Можете себе представить, что тут началось.

Медицинская сестра посёлка вызволила пойманный на крючки язык поварихи не смогла. Пришлось везти женщину аж в районный центр в больницу и делать там операцию.

Бригада осталась без поварихи. А Сашу Лобанова вызвали в райком комсомола и за недостойный поступок члены бюро райкома, в душе солидарные с Сашей, из комсомола его исключили.

2

Шел 1958 год. Саше исполнилось девятнадцать. К тому времени посёлки целинников стали многолюдны. В некоторых районах военкоматы стали снимать бронь с ребят, подлежавших призыву и Саша стал подумывать о службе в армии. К тому же с ним приключилась ещё одна беда.

На помывку в небольшой бане механизаторов нескольких станков свозили в одно крупное село.

В начале сентября во время помывки в бане между ребятами Сашиней бригады и ребятами грузинами соседней бригады произошла ссора, перешедшая в потасовку.

Началось всё с того, что в тесном моечном отделении бани собралось несколько бригад. Саша и ещё двое его друзей дождались освобождения небольшой деревянной скамейки. Ребята сторожили скамью, а Саша пошел набрать кипятка, чтобы ошпарить скамью перед помывкой. В невероятной тесноте бани, набрав в таз кипятка, он с трудом пробирався к своей скамье и не заметил на полу лужу мыльной воды. Ступив на неё, Саша поскользнулся и, падая, выронил таз с кипятком. Прямо перед ним на полу сидел и мылся, расставив в стороны ноги, парень из Грузии. Кипяток хлынул прямо на него. От острой боли ожога парень заорал, подбежали его земляки, сразу пустившие в ход кулаки. Тут же, рядом с Сашей оказались и ребята из его бригады. Побоище было кратким только потому, что кто-то закричал: «Несите пострадавшего в машину и срочно везите в больницу». Земляки несчастного занялись отправкой парня в больницу, а Саша и ребята его бригады быстро ополоснулись, запрыгнули в свой крытый грузовик и поехали восвояси. Утром следующего дня на двух грузовиках земляки пострадавшего приехали в Сашину бригаду. Серьёзную драку предотвратил главный инженер совхоза, который объезжал полевые станы и вовремя оказался на полевом стане Сашиной бригады. Разобравшись в случившемся, главный инженер совхоза отозвал Сашу в сторонку и предложил ему перевестись в другую бригаду, полевой стан которой располагался далеко от полевого стана, в котором работали ребята из Грузии.

Ехать в другую бригаду Саша отказался, заявив, что в таком случае он пойдёт служить в армию. Инженер согласился с Сашиным решением, пообещал завтра же направить райвоенкому письмо о согласии на его призыв.

Когда Саша получил расчёт в совхозе и явился в районный военкомат, там формировалась команда призывников для отправки на областной призывной пункт в Целиноград. А на областном сборном пункте уже формировался эшелон для отправки призывников в военно-строительные части Томска-7.

После прохождения курса молодого бойца рядовой Лобанов попал служить в в/ч 11013.

Рота, в которой служил Саша Лобанов, занималась рытьём глубоченного котлована на сооружении реактора одного из объектов. В лютые сибирские морозы мёрзлый грунт приходилось долбить киркой и ломом. Наверх грунт выбрасывали несколькими перекидками, пока позволяла глубина. Когда достигали приличной глубины и вручную наверх выбрасывать грунт было уже невозможно, поднимали его большими бадьями с помощью ручных же лебёдок.

После рытья котлованов, приступили к сооружению различных конструкций из монолитного бетона. Саша прошел обучение в учебном комбинате стройки, получил специальность плотника бетонщика и стал бригадиром. Вскоре он получил и звание младшего сержанта.

Отслужив три года срочную службу, остался жить в Томске-7 и работать на стройке. В конце шестидесятых в Советской армии был введен институт прапорщиков. Командование Томского УВСЧ объявило набор желающих для замещения должностей прапорщиков. Набор вёлся как из числа военных строителей, так и из числа гражданской молодёжи, прошедшей службу в Советской армии.

Саша подал заявление, отучился в Дубне положенный срок и стал прапорщиком.

После расформирования войсковой части 11013, прапорщик Лобанов оказался в в/ч 11102, в которую после окончания заочного отделения УЛГУ в 1973 году был направлен для прохождения службы и я.

Поскольку до этого в управлении ВСЧ я исполнял обязанности помощника начальника отдела политработы по клубно-массовой работе, мне, пропагандисту полка, вменили в обязанности курировать и всю клубную работу в полку. Из-за того, что в частях был большой некомплект прапорщиков,

начальником клуба полка был сержант срочной службы. Несколько лет мне пришлось добиваться его замены на прапорщика. Дело осложнялось ещё и тем, что должность начальника клуба полка была самого низкого разряда и оплачивалась значительно скромнее, нежели должность командира взвода. И, тем не менее, когда я получил разрешение подобрать прапорщика на должность начальника клуба и предложил занять эту должность Александру Ивановичу Лобанову, он сразу же дал согласие.

4

Саша не имел никакого образования, связанного с клубной работой, не был даже участником художественной самодеятельности. Не слыл и лучшим прапорщиком части. А предложил я ему эту работу потому, что знал его отеческую заботу о каждом солдате его взвода. Я видел, как сутками пропадал он вместе с военными строителями на производстве и в роте. О любом своём подчинённом Саша знал всё досконально. А как уважали его все солдаты!

С первых месяцев службы в полку я проникся к нему искренним уважением. А ко времени перевода его на должность начальника клуба как-то незаметно у нас сложились и приятельские отношения.

С получением помощника я получил и огромное облегчение в службе. С 1975 и по 1982 год войсковая часть 11102 на всех смотрях клубов, художественной самодеятельности, библиотек, наглядной агитации на территории военных городков занимала только первые, иногда, по некоторым видам, вторые призовые места.

Исполняя обязанности пропагандиста, агитатора и замполита полка, клубной работой мне приходилось по-прежнему заниматься очень плотно. Но как?! С приходом на должность начальника клуба Саши Лобанова, мне теперь ежедневно приходилось кого-то из военных строителей пристраивать на работу на производстве так, чтобы солдата в любое время

можно было снять с производства на репетицию художественной самодеятельности, для игры в нештатном духовом оркестре, для выполнения каких-то неотложных работ в клубе и так далее. У руководителей строительных организаций я без конца выпрашивал для ремонта клуба различные стройматериалы. С командирами и старшинами рот приходилось ежедневно воевать за отpravку по вечерам в клуб на репетиции участников художественной самодеятельности. Заставил меня Саша дойти, минуя командование УВСЧ, даже до начальника стройки легендарного Петра Георгиевича Пронягина и выпросить у него 34 тысячи рублей. Эта приличная по тем временам сумма нужна нам была на капитальный ремонт клуба, на покупку нового комплекта инструментов для духового оркестра, на пошив из бархата занавеса, задника и кулис на сцену, на приобретение новой киноаппаратуры и пианино.

Саша разведал, научил меня, что сказать и как начальнику базы снабжения стройки очень несговорчивому и прижимистому Глузману, чтобы выпросить полный грузовик рубероида на замену кровли клуба. А сколько для отделки клуба и оформления наглядной агитации на территории части металлических труб, пиломатериала, металлического уголка, ДВП, фанеры, разных красок доставал Саша без накладных, договариваясь с мастерами, прорабами, начальниками цехов и кладовщиками!

Не единожды из-за этих доставаний мне приходилось попадать в неприятные ситуации, переживать очень тревожные минуты.

5

Начальник стройки Пётр Георгиевич Пронягин провёл очередную реформу на стройке. «Строительная газета» страны в большой статье назвала то новшество «Метод Пронягина». А придумал Пётр Георгиевич вот что. На базе УПТК стройки он организовал централизованный раскрой и доставку на объекты по заявкам начальников участков линолеума, оконного и витражного стекла, подготовку масляных красок и прочего.

Для этого на базе УПТК были созданы соответствующие цеха. Раньше всё это поставлялось на участки СМУ прямо на строившиеся объекты. Там плотниками и отделочниками кроились, готовились к использованию все строительные материалы. А их остатки списывались и просто выбрасывались. Естественно, строгий учёт расхода строительных материалов наладить в той ситуации было практически невозможно. К тому же в условиях острого дефицита на строительные материалы в те годы, строительные объекты были местом доставания гражданами всего этого добра. Теперь же, согласно заявкам ИТР, по копии проекта на целый строящийся объект всё готовилось на базе снабжения и готовое доставлялось на объекты. Поквартирно на все комнаты нарезался линолеум и стекло. А краска стала доставляться разлитой в тару для каждого маляра в количестве на дневную смену. На стройке появилась огромная экономия различных строительных материалов, закончилась растащилка с объектов.

Тогда нуждающиеся в строительных материалах граждане ринулись на строительные предприятия и базу снабжения. И Пётр Георгиевич через горком КПСС добился того, чтобы милиция патрулировала территорию базы строительной индустрии и отлавливала «несунов».

Кроме того, Пётр Георгиевич издал по стройке приказ, запрещающий тащить с производства строительные материалы в воинские части. Начальникам строительных подразделений приказал строго следить за состоянием помещений, в которых проживают военные строители, работающие в их подразделениях. Потребовал оказывать помощь командованию частей и подразделений, по содержанию всех помещений военных городков в надлежащем состоянии. Виновных в нарушении требований приказа обещал строго наказывать.

И вот приходит однажды ко мне в кабинет мой бесценный помощник и просит отдать распоряжение командиру первой роты ст. лейтенанту Терехову, чтобы тот дал ему часа на два четырёх солдат. «Я, – говорит, – договорился и надо срочно

забрать две фляги отличной белой краски в УМР. Надо получить и принести».

Я, памятуя о строжайшем приказе Петра Георгиевича, стал возражать. Но Лобанов не был бы Лобановым, если бы не смог меня убедить в абсолютной безопасности. И я согласился, позвонил в первую роту и попросил выделить ребят.

Примерно через час из окна кабинета я увидел, как открылись ворота части и въехал милицейский патрульный УАЗ «буханка». Я спешно убрал со стола бумаги, закрыл на ключ кабинет. Вылетая из штаба, крикнул дежурному по полку, что меня в части нет, и метнулся в четвёртую роту. Из-за шторы окна ленинской комнаты стал наблюдать за происходящим возле клуба.

Увидел, как задом к входной двери клуба стоит УАЗ, а из него солдаты выгружают фляги с краской. Рядом стоит мой Александр Иванович с двумя милиционерами и мирно о чём-то разговаривают. Вот солдаты выгрузили краску, милиционеры, попрощавшись с Александром Ивановичем за руку, сели в машину и уехали. «Видимо, кто-то из милиционеров хороший знакомый Лобанова», – подумал я успокаиваясь.

Но дело обстояло иначе. Договорившись заранее о двух флягах краски с кладовщиком базы УМР, Александр Иванович выцыганил у кладовщика три фляги. Поэтому, чтобы унести четвером три фляги, ребята, взяв все три фляги, выстроились в одну линейку. Бетонный тротуар от Управления механизации и до перекрёста у части узок. И тогда ребята вышли на проезжую часть дороги. Откуда ни возьмись их стала нагонять милицейская патрульная машина. Лобанов не растерялся и поднял руку, останавливая милиционеров. А когда те остановились, стал просить их подвезти в попутном направлении до части. «Вот выписал и получил краску, – сказал стражам порядка Александр Иванович, показывая какую-то старую накладную, взятую у кладовщика, – солдат дали только четверых. Тяжело ж ребятам, да и тротуар узкий, а по дороге снуют машины – опасно, – подвезите пожалуйста». Что те и сделали...

Я иногда завидовал Шашиной способности просто решать сложные проблемы.

О сложных служебных проблемах рассказывать здесь не буду, это скучновато. Приведу лучше пару простеньких историй – немного повеселю читателя.

Заходит как-то Александр Иванович ко мне и протягивает список из четверых воинов. «Мне, – говорит, – надо одно важное дело сделать. Нужны эти ребята специалисты из пятой роты. На мою попытку расспросить, какое дело, Саша уклончиво ответил, что узнаю позже, пока большой секрет даже для меня. Пообещал отпустить ребят в роту к отбою.

Заручившись, что ничего авантюрно запретного он делать не будет, я взял список и позвонил капитану Максименко командиру пятой роты. Тот выслушал меня и стал возражать доказывая, что эти ребята таджики ничего делать не могут, они последнего осеннего призыва, служат только месяц, абсолютно ещё не говорят и не понимают по-русски. Ротный даже предложил мне послать других ребят, но я настоял на своём, и, грешным делом, даже указал капитану на то, что он ещё плохо изучил своих солдат и не знает их способностей.

Примерно через месяц, когда мы в клубе готовили новогодние мероприятия, зайдя в клуб, я увидел, что отделанные деревом панели клубного зала и фойе солдаты покрывают лаком с красивейшим оттенком. «Александр Иванович, – задал я сразу же вопрос начальнику клуба, – где взял такой дорогой лак? Опять нарушил приказ начальника стройки?» Приятно улыбаясь, поправляя с толстыми линзами свои очки в толстой роговой оправе, которые постоянно сползали с его небольшого аккуратного носа, Александр Иванович отвел меня в сторонку и рассказал, как и где он добыл лак.

– Вы знаете, – начал он, – что недавно закрыли заводскую метеостанцию, которая располагалась недалеко от нашей части. Так вот. Все приборы метеостанции, мебель из небольшого здания вывезли во вновь отстроенное между пятнадцатым

и двадцать пятым объектами. Там теперь метеостанция располагается. А на территории бывшей станции, в небольшом сарае оставалось кое-какое имущество вместе с большой бочкой этого лака. По штату метеостанция сторожа не имеет, поэтому временно оставили сторожить одного их предпенсионного возраста работника. Круглые сутки тот сторож сидеть в пустом помещении не мог. Вечером последним автобусом он уезжал домой, а утром первым приезжал. На обед не уезжал. Я с ним и договорился на пару фляг этого лака. В тот день после ужина с ребятами я и сходил к деду за лаком.

– А почему взял именно тех солдат из пятой роты, да ещё и представил их какими-то специалистами? – тут же спросил я. Хитренько улыбнувшись, Александр Иванович и объяснил мне суть дела.

– Возьми я других солдат, на следующий же день про лак и как он охранялся, узнали бы все старшины рот. А ещё через недельку лаку в той бочке не осталось бы вовсе и началось бы расследование. А те ребята, которых я взял в пятой роте, где были и что принесли в клуб никому рассказать не смогли. А уменьшение лака в бочке только на две фляги абсолютно незаметно», – сказал мой мудрый помощник.

Должность начальника клуба требовала от него присутствия на работе по выходным и особенно по праздничным дням. Но ведь у Александра Ивановича семья, и в простые воскресения я часто давал ему выходной. Но кто-то же должен был в эти дни и в дни его отпуска или командировок открыть клуб для демонстрации фильмов, для репетиции художественной самодеятельности, для уборки помещений нарядом из дежурной роты и следить за порядком в помещениях клуба. Поэтому я, согласовав с командиром части и разрешил Лобанову подобрать дисциплинированного солдата, чтобы после работы на производстве он приходил в клуб и находился там до отбоя ежедневно. Ясно, что это должен быть парень, которому можно было доверять такое важное помещение части и чтобы сам он был абсолютно дисциплинированным.

Подобрал Александр Иванович воина родом из солнечного Узбекистана. Отлично тот паренёк исполнял возложенные на него обязанности до последнего дня службы. И вот в день увольнения своего помощника приводит Лобанов ко мне на согласование следующего паренька и опять жителя Узбекистана. Ту-то я и поинтересовался, почему он подбирает именно ребят узбеков, ведь есть же достойные ребята и других национальностей.

Оказалось, что нового помощника Лобанову рекомендовал предыдущий. Залогом того, что и этот будет отлично замещать начальника клуба в дни его отсутствия в части является то, что новенький, как и его предшественник, окончил в Ташкенте медресе и имели сан муллы. Этим ребятам надо было каждое утро до восхода и вечером после захода солнца исполнять намаз. А как это можно делать в роте? Где хранить специальный для этого коврик? А насмешки солдат? Поэтому именно эти ребята исполняли возложенные на них обязанности так ретиво, как это делали солдаты Петра Первого, чем восхищался в своё время один путешественник по Руси.

А порядок и дисциплину эти ребята в клубе поддерживали очень просто. Кто бы ни был закуривший во время киносеанса, или кое-как мывший пол в клубе солдат, если ему делал замечание помощник Лобанова и он не реагировал как положено, следовало короткое: «Я талажу прапорсик Лапанов». И все солдаты части знали, что этот парень доложит обязательно. А Александр Иванович обязательно накажет нарушителя или через старшину роты, или через командира роты, а то и ко мне зайдёт, если нарушение было серьёзным. А я обязательно в таких случаях употреблял свои права по наказанию. Кроме того, все ребята из республик Средней Азии, да и многие из республик Кавказа – были мусульмане. Есть ли необходимость говорить о том, кто таков для них мулла? Поэтому все солдаты полка неукоснительно выполняли требования помощников начальника клуба. А в клубе всегда был должный порядок.

За годы нашей совместной службы с Александром Ивановичем Лобановым я не припомню случая, чтобы он что-то не исполнил из того, что он обязан был делать постоянно. Как я уже писал выше, наш клуб постоянно занимал первые или вторые места по художественной самодеятельности, по его убранности и проведению культурно-массовых мероприятий. Мне никогда не приходилось указывать на какие – то недостатки в содержании помещений клуба, или давать указания по проведению работ, улучшающих уют и порядок в клубе. Хотя такие работы велись постоянно, а инициатором всех работ был Александр Иванович.

В клубе нашей части, а полк дислоцировался не в городской черте, постоянно проводились все мероприятия штаба Управления войск и даже стройки, пока Управление Химстрой не построило для себя соответствующий зал. В клубе нашей части местный музыкальный театр ставил все спектакли из своего репертуара, не сокращая содержание. Ведь сцена нашего клуба была достаточных размеров, была оборудована театральным освещением, на ней можно было монтировать любую декорацию, во время спектаклей актёры свободно могли перемещаться за кулисами. Для оркестра мы даже оборудовали музыкальную яму и сделали там соответствующее освещение для музыкантов.

От командования рот мы с командиром полка требовали, чтобы каждый солдат не менее одного раза в месяц посещал театр. Часто всем полком организовывали выезды на спектакли театра в город. Регулярно солдаты нашего полка посещали и концерты в областном дворце спорта.

Кроме того, все кинофильмы, которые поступали для проката в кинотеатрах города Томск-7, показывались сначала в нашем полку. Фильмы, которые должны были показываться в кинотеатрах города с понедельника, поступали к нам в полк в субботу утром. С кинофильмом нам из бухгалтерии отдела культуры города привозили билеты, мы их распределяли по

ротам, а при демонстрации фильмов зрителей в зал пропускала кассир из кинотеатра. Также в зрительный зал попадали наши воины и на спектакли театра. Но вскоре отдел культуры эту процедуру упростил. Нам привозили билеты, а клуб отчитывался за них деньгами. На любой спектакль для наших воинов билет стоил один рубль, а на киносеанс – 30 копеек. Отдел культуры был благодарен нам за помощь в выполнении плана сборов за прокат фильмов и посещаемость театра, а наши солдаты гордились тем, что за время службы они посмотрели множество спектаклей, и что они первыми в городе смотрели самые последние фильмы, даже широкоэкранные.

Так как помещение зала было построено нестандартным, экран для демонстрации широкоэкранных фильмов с помощью стандартных кинообъективов надо было размещать метра на четыре ближе сцены. Пришлось мне съездить в Ленинград на завод ЛОМО. Конструкторы завода спроектировали для нашего зрительного зала объективы, быстро их изготовили и поставили.

Внештатный духовой оркестр нашего полка исполнял весь войсковой служебный репертуар и часто подменял штатный духовой оркестр УВСЧ на различных городских мероприятиях, когда в том была необходимость.

Каких усилий вся эта работа стоила Александру Ивановичу, знал только он сам. Повторюсь. Требовать такого уровня клубной работы от Александра Ивановича необходимости никакой не было. Все задумки исходили от него самого, мне и офицерам политчасти полка приходилось ему только помогать, решая с командиром полка, с командованием УВСЧ и руководством города самые разные вопросы.

К сожалению несколько лет назад Александр Иванович ушел в мир иной. Вечная ему память, а в моей душе память о нём будет до последних моих дней.

Автандил Ованнесович Восканян

повесть

*Автандил Ованнесович
Восканян*

Восканян вручает Юбилейный почётный знак ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ председателю городского исполкома Северска Кузьменко Николаю Ивановичу.

Кузьменко передаёт почётный знак директору Северского городского музея.

*Праздничное построение полка на плацу.
Юбилейный почётный знак перед трибуной.*

Почётным знаком полк в/ч 11102 был награждён в 1972 году за победу в социалистическом соревновании в ознаменование 50-летия образования Союза СССР.

(Для сведения читателей. Этим знаком в СССР были награждены два промышленных предприятия страны, два колхоза, два ВУЗа и т.д. А в Светской армии – два боевых корабля, два мотострелковых полка, две бригады ракетных войск, два авиационных полка, две военно – строительные части и т.д. Знак был размером примерно 30х30 см. Выполнен из драгоценных металлов: серебра, золота и платины.)

1

В Томске -7 (Северске) в среде ветеранов военно-строительных частей бурлит, не теплится, а по-настоящему бурлит жизнь. По-человечески завидую я всем своим сослуживцам-Томичам в связи с этим.

А почему живёт и по-настоящему работает ветеранская организация Северска? Да потому, что возглавляет её очень неравнодушный, неиссякаемо энергичный и деятельный офицер Автандил Ованнесович Восканян. Не могу не поведать о

том, как в суровом сибирском краю навсегда прописался этот сын прекрасной Армении.

Родился он в 1952 году в селе Кизил-килисе Цалкского района Грузии. Долог был путь предков Автандила в горы Грузии. Его прадед Ованнес Тер-Восканянец родом был из Эрзерума, захваченного в 1921 году Турцией. Почему армяне-христиане были вынуждены в начале двадцатого века покинуть родину и просить царя Грузии об убежище, думаю, пояснять не надо. А почему наш Автандил сегодня Восканян, а не Тер-Восканянец, простым является ответ и на этот вопрос. «Тер» перед фамилией армян в далёкие времена означало знатное княжеское происхождение человека. Не поменяй его прадед Ованнес Давитович Тер-Восканянец фамилию на просто Восканян в начале тридцатых годов прошлого века, родиной нашего Автандила Ованнесовича могла, в лучшем случае, стать тоже Сибирь матушка, как и многих его земляков. Если бы, конечно, его дед и отец с такой фамилией в Советской России не разделили судьбу их родственника священника, расстрелянного в 1933 году.

В 1969 году Автандил окончил в своём селе среднюю школу. У юноши было огромное желание учиться, поэтому подался он в город Ереван. Успешно сдал вступительные экзамены в педагогический институт. Но кроме набранных баллов приёмной комиссии надо было подать ещё и хорошую мзду. На что родители Автандила были неспособны. Ведь в их семье было восемь детей. Мама, Егисаперт Сетраковна, естественно, не работала. А папа, Ованнес Алекович, был простым рабочим электриком. Правда за свою трудовую жизнь был он и председателем колхоза и народным избранником в местных органах власти, но богатым человеком не стал, семья жила скромно.

Вернувшись из Еревана, Автандил пошел работать учеником электромонтёра, пока не пришла повестка из военкомата о призыве на службу. Так и оказался наш Автандил Ованнесович в Томске – 7.

Начинал службу военный строитель Восканян в в/ч 40317. Некоторое время послужил в 11102, потом в в/ч 44651 в Томске областном.

В марте 1972 года дал согласие и был направлен в школу прапорщиков, а после окончания попал служить в в/ч 11102.

Надо заметить, что одной из причин, по которой Автандил дал согласие и поступил в школу прапорщиков, было обещание агитировавших предоставить возможность продолжения учёбы как в военных, так и в гражданских учебных заведениях. Такая возможность учиться в Советской армии была закреплена положением о прохождении военной службы офицеров и прапорщиков. «Вот оно то, о чём мечтал и чего не смог осуществить на родине», – подумал Автандил и дал согласие служить в армии.

Положение о прохождении службы возможность предоставляло, но всегда ли разрешало командование? Там, где командирами были люди дальновидные, проблем у офицеров и прапорщиков с учёбой не было. Но сколько нашего брата мучилось, добываясь разрешения? Я писал о Геннадии Москаленко, прочную железобетонную стену пришлось пробивать Борису Михайловичу Максимову, да и я получил разрешение на заочное обучение только в результате одного случая.

Командовал в ту пору в/ч 20161 Иван Степанович Кузнецов, который сам окончил заочно истфак ТГУ. Разрешение на сдачу экзаменов экстерном за военное училище один из лучших прапорщиков Управления войск Автандил получил только после личного обращения к генералу И.Ф.Камышану – начальнику центрального Управления. Последний взгрел, как следует, командование 20161 за не предоставление возможности Автандилу учиться, а те в свою очередь «ласково» поговорили с прапорщиком за жалобу.

И так, в 1977 году в Дубне Автандил экстерном успешно сдал экзамены за военное училище. По прибытии в в/ч 11102, к моему удивлению, его назначают командиром взвода. Я с 1973 года служил в этом полку, постоянно по несколько меся-

цев замещал замполита полка подполковника И.Г.Пиханова, который то увольнялся в запас, то просил продлить ему службу по семейным обстоятельствам. Неоднократно я просил назначить Автандила замполитом роты. Со мною соглашался командир полка. Мы писали представление, но «мудрые» командиры Управления войск нашему представлению хода не давали. Автандил в это время поступил и опять-таки успешно окончил Высшую партийную школу томского ОК КПСС. Взвод Автандила по всем показателям был одним из лучших не только в полку.

Отмечу, что командовал Автандил взводом в пятой роте. Работала эта рота поголовно на базе снабжения стройки. Работали воины главным образом на погрузочно-разгрузочных работах. Руководство отделения томского участка железной дороги прекрасно знало, что Управление Химстрой имеет мобильную рабочую силу, способную разгружать вагоны с поступающими грузами в любое время суток, в выходные и праздники, и прекрасно этим пользовалось. В СССР в те времена одной из острых проблем были простои вагонов под разгрузкой, из-за чего их постоянно не хватало. За простои вагонов взимались приличные штрафы с получателей грузов. Проблемами разгрузки вагонов вынуждены были заниматься даже партийные органы всех уровней.

Поэтому нашей пятой роте приходилось работать кругло-суточно. Практически все отделения и взвода работали в две, а то и в три смены. Можете себе представить, как трудно приходилось командованию этой роты организовывать воспитательную работу с личным составом и поддерживать твёрдый уставной порядок.

Кроме того, для погрузочно-разгрузочных работ не требовалась очень уж квалифицированная рабочая сила. И наша пятая рота состояла в основном из ребят выходцев из республик Кавказа и Средней Азии.

Кто служил с ребятами грузинами, азербайджанцами, чеченцами, дагестанцами и другими кавказцами, тот знает, как «просто» заставить этих воинов хорошо работать и вести себя

в рамках требования воинских уставов. Как эти парни относились к безмолвным трудягам из Узбекистана.

До прихода в пятую роту Автандила Ованнесовича командованию полка, постоянно приходилось плотно заниматься этой ротой. С приходом в роту прапорщика Восканяна наша пятая затихла, успокоилась и стала лучше работать. Прекратились жалобы на несвоевременную разгрузку вагонов и отгрузку строительных и комплектующих материалов на строительные площадки гигантской стройки.

Замечу для ясности читателям, что с началом строительства Томского Нефтехимического комбината в структуре Химстроя было около двадцати одних только СМУ.

За успешную воспитательную работу с личным составом взвода и высокие показатели в производственной деятельности прапорщика Восканяна командиры от полка до центрального Управления войск осыпали почётными грамотами и благодарностями, а на офицерскую должность не назначали, звание лейтенанта не присваивали. Почему? Не было вакантных офицерских должностей? Были. Правда, не в нашем полку и командир нашего полка мог не отпускать хорошего прапорщика в другой полк. Но командование Управления войск могло с мнением командира полка и не согласиться. Издали бы приказ и всё. Командовавший в то время управлением полковник Кузнецов И.С. по кадрам решения принимал до смешного странные. Приведу один пример из личной практики.

Я был замполитом полка и выдвинул на вышестоящую должность своего пропагандиста, капитана Анатолия Каширских, а на его место написал представление назначить молодого отличного офицера лейтенанта Анатолия Овдиенко. За это я получил такую взбучку от Ивана Степановича, что и врагу не пожелаешь. На совещании офицерского состава Управления он подверг меня настоящему осмеянию. Аргумент отказа у него был один: «У нас полно капитанов, которые годами ждут назначения на майорские должности, а ты просишь назначить пропагандистом полка лейтенанта, который только год назад

окончил военное училище». Мне предлагали на должность пропагандиста полка несколько кандидатов, но я настаивал на своём. Почти год пришлось исполнять должность пропагандиста самому и офицерам политчасти. А когда всё-таки молодого, но очень дельного лейтенанта на должность пропагандиста полка назначили, тот же Кузнецов на совещании, с тем же составом офицеров Управления изрёк: «Ты, Перепелятников, нос особо не задирай своими успехами. Были бы и в других полках Овдиенки, ещё посмотрели бы, где лучше была бы организована политработа». После этих слов «мудрого» начальника в зале раздался дружный смех.

3

Время шло. С трудом, но добился я назначения Автандила Ованесовича замполитом роты. Лучшего замполита роты Управления войск прапорщика Восканяна командование по-прежнему за показатели в службе на всех уровнях всячески поощряло, но присвоение звания и разрешение учиться заочно – тормозило. Помнится, неоднократно издавал начальник центрального Управления войск приказы и директивы по улучшению работы с кадрами. Командование нашего Управления войск, наверняка, рапортовало о выполнении требований этих приказов. А Автандилу Ованнесовичу, тем не менее, пришлось лбом пробивать железобетонную стену, чтобы решить то, что уже давно назрело. А решил прапорщик Восканян свою проблему очень просто – решил перевестись из нашего Управления войск в части МВД. Там командиры, изучив документы Автандила Ованнесовича, сразу согласились на его перевод. Пообещали в течение месяца и офицерскую должность, и звание лейтенанта, и дальнейшую учёбу в любом ВУЗе. Но ведь такой переход без командования центрального Управления невозможен. Иван Степанович Кузнецов представил себе, что он за это получит, и вопрос о звании сразу же и решился. Правда, пришлось нашему Автандилу выслушать от Ивана Степановича такое, что на бумаге описать

невозможно. Ведь использовал он в той беседе весь словарь нецензурной лексики.

4

Я без всяких преувеличений свидетельствую, что таких замполитов рот, кроме Анатолия Овдиенко и Автандила Ованесовича у меня до последних дней моей службы не было.

Как мне с ним работалось! Признаюсь. Часто в буквальном смысле слова приходилось уклоняться от общения с замполитом нашей пятой роты. Не было того дня, не было ни одной с ним встречи, чтобы Автандил не сказал: «Товарищ патпалковник, дай, товарищ патпалковник пасаветуй, товарищ патпалковник памаги...» И так изо дня в день.

Часто приходилось отдавать различные распоряжения замполитам рот. Проверять их исполнения в пятой необходимости никакой не было, чего нельзя было сказать об остальных замполитах рот.

Отлично в пятой роте был организован досуг военных строителей. Рота постоянно выезжала в город на спектакли Муздрамтеатра, на просмотры новых кинофильмов. В роте работал кружок художественной самодеятельности. Давали концерты армяне и грузины, узбеки и таджики. А как азартно проходили первенства роты по поднятию тяжестей, по борьбе. Проводились шуточные эстафеты, различные игры.

Никто ни разу не сделал ни одного замечания Автандилу по ведению документации, по оформлению Ленинской комнаты и всей остальной наглядной агитации в роте. Но самых важных результатов Автандил Ованесович добился в воспитательной работе с военными строителями. О каждом солдате он знал всё досконально, словно о своём родном брате. Ни один солдат из пятой роты ни разу не обратился к командованию полка по личному вопросу. Все солдаты обращались к Автандилу, а он уже решал всё с нами. Причём, если лейтенант Восканян поднял какой-то вопрос по проблемам солдата, решать вопрос надо было срочно. «Этот настырный Восканян пока не решишь, проходу не даст», – часто говаривал

начальник штаба полка Иван Григорьевич Аблов. И заместитель командира части по тылу подполковник Шевченко В.А. часто возмущался: «Откуда он взялся, этот Восканян на мою седую голову?! То ему одно для роты дай, то другое. Ты ему говоришь, что нет на складе, а он дайте и всё тут. Его солдаты, видите ли, нуждаются. Как будто другим не надо».

Надо ли говорить о том, как любили и уважали своего замполита солдаты?

Буквально через месяц-два наша пятая рота преобразилась. Внутренний порядок в роте стал не хуже, чем в третьей, где старшиной роты был славный прапорщик Анатолий Серов. Практически прекратились в пятой и грубые нарушения воинской дисциплины. Отличную его работу отмечал не только я. Исполнительнейшим трудягой его признавало всё командование и все офицеры и прапорщики нашего полка. Его кипучая работа в роте была у всех на виду.

Шло время. Менялось командование полка и Управления войск. В 1978 году Автандил написал рапорт и получил разрешение поступать на заочное отделение Томского госуниверситета, исторический факультет которого в 1984 году успешно окончил.

Закончил службу Автандил Ованнесович Восканян в 1990 году в связи с расформированием наших славных частей. До должности заместителя командира полка он с честью прошел все ступени служебной лестницы, начиная с должности командира отделения. Правда, пропустил он одну небольшую ступеньку – с должности командира роты ступил сразу на должность заместителя командира полка. Такое в те времена было величайшей редкостью, но и таких офицеров, как Автандил Ованнесович, у нас было крайне мало.

В 1982 году убыл из томского Управления войск я. Давно нет наших военно-строительных частей, а мы с Автандилом давно пенсионеры. Он проживает в Северске, а я на берегах Волги. Но нет той недели дабы мы не созванивались с Автандилом. Совместная служба скрепила нас, очевидно, до ней наших последних.

Владимир Иванович Хохлов

повесть

1

В середине июля 1982 года прибыл я на новое место службы в славный город Ульяновск. Продолжать здесь службу мне предстояло в должности начальника отдела политработы Управления войск. Численно ульяновское Управление было не большим. Состояло оно из двух полков и четырёхротного военно-строительного отряда. Штаб Управления, один полк и отряд дислоцировались в Ульяновске на улице Мелекесской. Второй полк располагался в городе Дмитровграде.

Познакомившись с командованием и офицерами штаба Управления, я задал вопрос начальнику Управления, где же мой предшественник, мне же надо принимать дела. «Он поехал в город Дмитровград. Там у него какие-то дела в полку. Скоро должен приехать», – ответил мне Николай Данилович. Я посидел несколько минут в раздумьях и принял решение ехать в Дмитровград. Там мы и познакомились с моим пред-

шественником. Минут двадцать пообщались. Очень кратко я был ознакомлен с положением дел в Управлении.

В тот же день вернулся в Ульяновск и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Пропагандистом отдела политработы и, якобы, моим заместителем был крупного телосложения подполковник. Его лицо и нос отдавали красновато-синим отливом, что явно говорило о пристрастии. Уже через месяц нашей с ним совместной службы у него начались невыходы на службу. Очень долго пришлось мне терпеть этого офицера, а когда после очередного «больше не повторится» он снова целую неделю не появлялся на службе, моё терпение лопнуло. Надо отдать должное этому офицеру в его порядочности. После увольнения в запас он зашел ко мне и по-мужски извинился за своё поведение.

Агитатором отдела политработы был среднего роста майор. Ни чего плохого не могу о нём сказать, как о человеке. Но хотя этот офицер и имел высшее юридическое образование, он был не в состоянии написать простейший служебный документ. Офицер был болен. До моего прибытия в Управление лечился в психиатрической больнице.

Обходя кабинеты штаба, знакомясь с офицерами и служащими, я обратил внимание, что стол старшего инструктора отдела политработы по комсомолу завален служебными документами. Оказалось, что это и был офицер, который исполнял все документы отдела. Капитан Хохлов Владимир Иванович по объективным обстоятельствам и стал на долгое время моим помощником не только по делам комсомольским.

2

Неординарным человеком оказался этот молодой офицер. Родился он 1956 году в городе Мензелинске Татарстана. По классу баяна блестяще окончил детскую музыкальную школу. Сам очень хорошо освоил гитару. Ещё школьником был принят на работу в профессиональный вокально-инструментальный ансамбль гитаристом. Получал там даже заработную плату.

И так, юноша с головой погрузился в музыку, работает в профессиональном коллективе. Он уже определился в выборе своей стёжки-дорожки по жизни? Нет. Не таков был этот парень!

Его папа всю жизнь работал водителем. И как только ноги Володи стали доставать до педалей, папа научил его управлять автомобилем. А это в свою очередь не могло не вызвать живого интереса мальчишки к технике. И школьником старших классов, в течение двух лет, он проходит обучение в центре подготовки специалистов для Министерства обороны по программе водителей профессионалов автомобильной техники.

Но и это ещё не всё. В одном из украинских военных гарнизонов служил родственник Володи. Ещё младшим школьником съездил он к нему в гости. Мальчишку поразила чистота и порядок в закрытом военном городке, где жили военные. Подстриженные газоны, красивые клумбы цветов, аккуратные дорожки в тенистых аллеях. Расписанная строгим распорядком жизнь гарнизона, дружба на уровне родственников семей офицеров, всё это запало в душу Володи и уже тогда он стал подумывать о службе в армии.

Был у Хохловых родственник, служивший в Мензелинске начальником уголовного розыска. Этот офицер во время войны служил в частях Смерш. Из-за того, что в послевоенное время во многих регионах страны была неблагополучной обстановка с преступностью, а на просторах страны скрывалось большое количество разного рода военных преступников (дизертиров, фашистских пособников, предателей и прочих подобных элементов), и милиция явно не справлялась с наведением порядка, руководством страны милиция многих регионов была укреплена офицерами смершевцами. Ещё малолеткой Володя увидел однажды в деле этого своего родственника. С тех пор этот офицер стал для Володи непрерываемым авторитетом и наставником на все годы его службы.

Однажды Володя рассказал своему наставнику о том, что его привлекает профессия офицера юриста и он хотел бы им стать. Бывший смершевец поведал ему, что учебного заведения, которое готовит юристов для Советской армии нет. Юристов отбирают из числа положительно зарекомендовавших себя офицеров, потом они проходят специальную подготовку и только после этого те становятся военными юристами.

В 1974 году после окончания средней школы вопрос о выборе профессии для Володи встал, как говорят, ребром. Из всего выше сказанного ясно, что его решение идти на службу в армию было не случайным. Оставалось выбрать в какое военное училище поступать. Многие военные профессии и учебные заведения министерства Обороны перебрал тогда Володя. Многие. А душа потянулась к строительству, к созиданию. Так и оказался он в Дубне, куда наше военное училище к тому времени было переведено из Новосибирска.

3

В 1977 году двадцать два лучших из лучших выпускников того года были направлены для прохождения дальнейшей службы на родину Ленина, где в то время в связи с началом строительства Авиагара формировалось Управление военно-строительных частей. Один год Владимир Иванович прослужил командиром автомобильного взвода Управления войск, ещё три года секретарём комитета комсомола ульяновского полка, а в 1981 году был назначен на должность старшего инструктора отдела политработы по комсомолу УВСЧ.

Колоссальную роль в становлении офицера Хохлова сыграла работа в комсомоле – в солдатской гуще другими словами. Тут и организация отличного коллектива художественной самодеятельности полка, и проведение различных мероприятий, и выездов военных строителей в театр, в музеи, на спортивные мероприятия города. А какую работу с комсомольскими активистами комсомольский секретарь развил по

сплочению воинских коллективов, по борьбе с неуставными взаимоотношениями в подразделениях.

Комсомольская организация полка, которой руководил Хохлов была одной из лучших не только ульяновского Управления. Успешную работу секретаря комитета комсомола полка Владимира Хохлова неоднократно отмечало даже командование центрального Управления войск. Именно Хохлову в 1980 году было поручено выступить на Всеармейском совещании комсомольских работников военно-строительных частей Советской армии в Ленинграде от комсомольских организаций нашего Министерства.

4

Но вернёмся к повествованию о нашей совместной службе с Владимиром Ивановичем.

Сложно мне пришлось начинать работу в ульяновском Управлении войск. По сути, просто не бывает войти в новый коллектив ни в одном армейском соединении, ни в одной части и подразделении.

Вполне нормальные взаимоотношения и взаимопонимание в Ульяновском Управлении войск у меня сложились только с командованием и офицерским составом военно-строительного отряда. Здесь лучше было и положение дел в целом. Командиры же полков и их заместители по политчасти не смогли толком доложить мне даже о состоянии воинской дисциплины в своих частях. Учёт нарушений воинской дисциплины в обоих полках был в запущенном состоянии. По многим грубым нарушениям дисциплины военными строителями они навозбуждали уголовные дела. В судах такие дела были прекращены за отсутствием состава преступления, а в отчётах эти случаи были показаны, как преступления. В приказах по улучшению воспитательной работы и укреплению воинской дисциплины отсутствовал детальный анализ положения дел. Отсутствовали конкретные мероприятия воспитательного характера. В итоговых приказах о состоянии воинской дисципли-

лины все требования командиров полков к офицерскому составу и прапорщикам по улучшению воспитательной работы сводились к общим фразам: «улучшить», «сократить», «предупредить». Командир ульяновского полка, а полк в то время состоял из двенадцати рот, в своей работе с подчинёнными допускал откровенное издевательство. Служебной деятельностью заместителя по политчасти командира димитровградского полка серьёзно интересовалась прокуратура.

Изучив положение дел в частях, я выступил на очередном совещании командования Управления и изложил свою точку зрения по состоянию политико-воспитательной работы, воинской дисциплины, её учёту и анализу в Управлении. К моему удивлению все, кроме начальника штаба Управления, остались равнодушными по поводу моего беспокойства положением дел. А начальник Управления, закрывая совещание, заявил: «Обстановка в наших частях не хуже, нежели в некоторых Управлениях нашего министерства. И зря нагнетать ситуацию не будем. Вы, товарищ начальник отдела политработы, пока только начинаете вникать в работу. Не спешите делать резкие выводы.»

Это меня шокировало. Долго я размышлял, что делать и как быть. И решил создать политсостав частей, чтобы хоть с политработниками выработать какие-то меры по улучшению политико-воспитательной работы в частях.

Начал совещание с заслушивания замполитов полков и отряда. По ходу их выступлений задавал самые обычные вопросы, пытаясь добиться от докладчиков конкретики. Все трое выступавших отделались перечислением самых общих мероприятий воспитательного характера без всякой привязки этих мероприятий к положению дел.

В итоговом приказе по Управлению о состоянии воинской дисциплины за первое полугодие того года, я сформулировал ряд мер направленных на укрепление дисциплины. Во исполнение требований того приказа в приказе командира ульяновского полка были, практически, переписаны пункты

из приказа начальника Управления. А приказ командира димитровградского полка был копией приказа за первое полугодие года предшествующего. Капитан замполит ульяновского полка пришел в войска с гражданки. С ним мне с первых дней пришлось заниматься азбукой политико-воспитательной работы. Благо, что этот офицер умел слушать, всё усваивать и из всех сил старался исправлять ошибки в своей работе. А вот заместителю командира димитровградского полка иногда приходилось отдавать распоряжения через его командира. С первых дней легко мне работалось с замполитом военно-строительного отряда.

5

Столь подробно обстановку, состояние политико-воспитательной работы в частях, её оценку командованием Управления я изложил затем, чтобы показать, что мне предстояло решать с первого дня, в какой ситуации я оказался. Не указал я фамилий офицеров Управления и частей потому, что эти мои воспоминания не о них.

И теперь, рассказывая о бывшем старшем инструкторе отдела политработы по комсомолу Владимире Ивановиче Хохлове, у меня отпадает необходимость быть многословным. Достаточно мне здесь сказать, что он был главным моим помощником в проведении в жизнь целого комплекса мер по нормализации обстановки в частях и подразделениях Управления. Были в обоих полках отличные ребята политработники, были. Но они ж не играли партию главной скрипки в политико-воспитательной работе.

Стоит ли объяснять читателю, что значит в той ситуации иметь хорошего помощника. А если этот твой помощник ещё и думающий офицер, твой единомышленник, парень, которому можно всё доверить, на которого во всём и всегда можно положиться, то роль такого помощника в работе возрастает многократно.

Наметил я для себя план проведения самых неотложных мероприятий, пригласил Володю, как я называю его с тех пор и по день сегодняшний, посоветоваться. Исключительно исполнительный офицер, естественно, не мог ни чего другого сказать, кроме как: «ясно», «понятно», «будем выполнять». Но я, помнится, его поправил, сказавши, что я сформулировал не задачу тебе, я с тобою советуюсь. Володя кашлянул, слегка покраснел, и робко, тихо произнёс: «Я вас понял, товарищ подполковник. Ну, так, вроде всё правильно вы сказали». Не ожидал, очевидно, молодой офицер того, что его новый начальник начнёт свою работу с совета с ним. Заметил я тогда, как несколько дней выглядел он каким-то скованным. При встрече после короткого взгляда немного краснел. «Он думает, что я буду требовать от него разного рода информацию типа доносов», – подумал я тогда и решил быть с ним более доверительным, чаще и больше советоваться.

Не знаю, как это у нас произошло, но уже через месяц мы с Володей свободно обсуждали все самые сложные вопросы нашей с ним работы. Я, прежде чем принять какое-то важное решение, обсуждал с ним все детали задуманного. Он уже больше не стеснялся подсказывать мне как с тем или иным офицером или прапорщиком разговаривать, многим давал точные и правдивые характеристики. Благодаря Володе я быстро влился в новый коллектив, не допустил по незнанию людей и обстановки серьёзных промахов. Стоит ли говорить какое это в моей работе сыграло значение.

6

В конце октября 1982 года, просматривая личные дела офицеров Управления, в личном деле Володи я увидел запись о том, что он студент заочник Всесоюзного юридического заочного института (Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина). Когда я завел разговор о его учебе, он неожиданно для меня произнес, что есть серьезные сложности. Из-за большой занятости по службе и нагрузки служебными делами, не выполнил программу обучения в

межсессионный период. Такое положение дел грозит отказом в вызове на экзаменационную сессию, что может привести к отчислению из учебного заведения. Я тут же и решил создать самые благоприятные условия для продолжения офицером учебы в юридическом вузе.

Когда Володя стал продолжать учёбу, дела на службе у него пошли ещё лучше. Мне и раньше не было необходимости отдавать ему какие-то распоряжения по его участку работы, теперь же инициативы сыпались из него словно из рога изобилия. Наш студент заочник успешно изучал юриспруденцию и находил время помогать мне проводить многие важные мероприятия, не связанные непосредственно с комсомольской работой.

Заканчивая институт, Володя обратился ко мне с просьбой о прохождении стажировки в военной прокуратуре Ульяновского гарнизона. С институтом и с военным прокурором гарнизона он согласовал все формальности, а мы безоговорочно предоставило ему отпуск и стажировку в военной прокуратуре.

По окончании института, военный прокурор Ульяновского гарнизона, за столь короткий период изучивший деловые качества и глубокие знания юриспруденции капитана Хохлова, поставил вопрос о переводе его для дальнейшего прохождения службы в органы военной прокуратуры Советской армии. Этому я несколько не удивился и не возражал.

Но Володе нужно было перейти на службу из одного министерства в другое. Командование центрального Управления наших частей, через которое надо было решать вопрос о переводе, категорически возражало.

Посидели мы с Володей, подумали, как решить столь сложную задачу и нашли довольно простой и надёжный способ. Володя стал следователем военной прокуратуры Ульяновского гарнизона, и ему Министром обороны страны было присвоено воинское звание «капитан юстиции».

После перевода Владимира Ивановича в прокуратуру, я не на долго задержался на службе. Поставил перед командованием вопрос об увольнении в запас и более полугода добивался своего. Когда освоился на гражданке, решил позвонить и поинтересоваться, как послужит Володе на новом месте.

В военной прокуратуре гарнизона он зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Проходил службу следователем, старшим следователем, помощником военного прокурора гарнизона и был переведен для дальнейшего прохождения службы в военную прокуратуру Приволжско-Уральского военного округа в г. Самару на должность помощника военного прокурора округа.

В прокуратуре ПУРВО курировал и возглавлял различные направления прокурорско – следственной деятельности, добиваясь при этом конкретных положительных результатов. За короткое время был назначен начальником отдела военной прокуратуры округа по надзору за исполнением законов органами федеральной безопасности, расследованием государственных преступлений и реабилитации. Помимо профессиональной деятельности, Володя избирался секретарем партийного бюро прокуратуры округа и исполнял эти обязанности до прекращения деятельности КПСС в 1991 году.

Отработав восемь лет преподавателем в средней школе и заместителем директора среднего специального учебного заведения, в 1992 году я перешел на работу в одну из коммерческих организаций. Работал в правобережной части города. И тут в местных газетах читаю сообщение, что военным прокурором Ульяновского гарнизона (Ульяновской области) назначен полковник юстиции Хохлов Владимир Иванович!

Позвонил, встретились. С того времени общаться стали часто. По многу беседовали, многое обсуждали. И замечу, я ни разу не задал Владимиру Ивановичу, казалось бы естественный вопрос – как, каким путём он простой офицер, без каких бы то ни было связей и поддержки высоких чинов и начальников сделал столь головокружительную карьеру.

Почему? Да потому, что я знал его деловые качества, его незаурядные способности, его умение на лету схватывать и впитывать всё новое прогрессивное, его работоспособность.

В первую же нашу встречу на груди полковника юстиции Хохлова я заметил колодку с наградами. Не удивился тому, что в мирное время юрист, не боевой офицер имеет солидный орден, почётный знак юриста и множество медалей. Много позже узнал историю его наград.

Орден мужества он получил за Чернобыль. Много офицеров там побывало, очень многие имели поощрения и награды, но ордена «Мужества» получили единицы из многих тысяч «ликвидаторов». В Указе Президента Российской Федерации по поводу того награждения сказано: «...за мужество и самоотверженность...». Впрочем, это не единственная награда такого высокого уровня.

Восьмого января 2003 года Генеральным прокурором РФ Владимир Иванович был награждён знаком «Почётный работник прокуратуры Российской Федерации».

Ещё в 1999 году начальником Главного управления Генеральной прокуратуры России Владимир Иванович был награждён денежной премией за трудолюбие и проявленную инициативу. Его инициатива сводилась к тому, что он разработал программное обеспечение для ЭВМ и впервые использовал компьютерную технику в прокурорско-следственной практике. Его опыт первооткрывателя был внедрён в практику работы прокуратуры всех военных округов и флотов России!

А сколько поощрений полковник Хохлов имеет от прокурора округа, главного военного прокурора российской армии!

После увольнения в запас я стал много писать в разные газеты. Писал о курсантах и суворовцах гарнизона, об офицерах и генералах действующих и запасниках. Приходилось часто посещать части гарнизона, общаться с командованием частей и бывшими своими коллегами. Со многими офицерами часто обсуждали различные случаи и происшествия в гарнизоне. Часто возникал у меня вопрос к собеседникам о реакции на разные события военной прокуратуры гарнизона. Ни

разу, ни один офицер не высказал какого – либо недовольства действиям военного прокурора Хохлова. Начальник политотдела одного из военных училищ так мне ответил на вопрос, как работается с военным прокурором Хохловым: «Я за время службы проехал много гарнизонов от Дальнего Востока до Германии. Приходилось видеть всяких прокуроров. Этот вполне нормальный офицер. Принципиальный, требовательный, но всегда решения принимает такие, и только такие, какие служат делу». Высказавшись, уже не молодой полковник вдруг поинтересовался, почему меня это интересует. Когда я поведал ему о том, что Владимир Иванович мой сослуживец, полковник воскликнул: «Но ты же служил в строительных частях!» Пришлось рассказать, что и полковник юстиции Хохлов выходец из военно-строительных.

Впрочем, Владимиру Ивановичу пришлось примерить форму не только офицера сухопутчика.

Включил я однажды вечером 2003 года телевизор, а на экране одного из государственных центральных каналов предстал офицер в морской форме, первый заместитель военного прокурора Балтийского флота, наш Владимир Иванович. Он по телевидению выступил по проблемам законности в Вооруженных Силах, и в частности довел информацию о раскрытии серии преступлений по хищению на флоте переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла-1», которые применялись террористами в Кавказском регионе. В результате этой работы был перекрыт канал поставки оружия в международные террористические формирования. Все офицеры принимавшие участие в операции по раскрытию преступлений, связанных с хищением оружия, в том числе и Хохлов В.И., были представлены к правительственным наградам.

С 2005 года после увольнения с военной службы, Владимир Иванович несколько лет успешно возглавлял кафедру уголовного права и криминологии одного из Университетов Ульяновска. Ведь ещё во время службы в военной прокуратуре Ульяновского гарнизона он заочно окончил аспирантуру Саратовской государственной юридической академии пра-

ва, одного из ведущих учебных заведений страны в области юриспруденции, а по её окончании в 2002 году успешно защитил диссертацию и получил ученую степень «Кандидат юридических наук».

Казалось бы, человек имеет приличную военную пенсию, не плохую заработную плату, чего ещё нужно? Живи тихо и спокойно, читай студентам лекции и принимай зачёты да экзамены.

Так живут многие мои сослуживцы, но такая жизнь не для Владимира Ивановича. Видели бы вы какую кипучую деятельность развил он в Университете. За время работы на юрфаке Владимир Иванович серьёзно укрепил свою кафедру кадров, издал две монографии по юриспруденции. Его монография «Прокурорский надзор» рекомендована министерством образования РФ как учебник для юридических факультетов России. Написал более 50-ти разного рода научных пособий, методик и научных статей по юриспруденции. С 2009 года Владимир Иванович имеет учёное звание Доцент.

Свой накопленный опыт работы военного юриста Владимир Иванович передает студентам, преподавателям и молодым офицерам военной прокуратуры и военно-следственного комитета. По вопросам экспертно-консультационной деятельности сотрудничает с правоохранительными органами. Дочь Елена пошла по стопам отца. С отличием она окончила юридический факультет, носит погоны и проходит службу в органах прокуратуры. Это ли не характеристика Владимиру Ивановичу! Стоит ли мне говорить в этом повествовании что-то ещё, чтобы рассказать, кто таков Владимир Иванович Хохлов. Он всегда в строю.

Недавно у него был день рождения. Не юбилейный, нет. Но с днём рождения, специальным большим письмом его поздравил прокурор Центрального военного округа России. Я, узнавши об этом, только и сказал имениннику: «Такое внимание дорогого стоит, говорит о многом».

Валиев Файруз Фазлыевич

повесть

Валиев Файруз Фазлыевич

1

Родился Файруз в 1956 году в городе Бугульме республики Татарстан. В семье колхозников было четверо детей. Когда Файрузу исполнилось десять лет, умер папа. Семье жилось очень трудно. Несмотря на это, учился в школе Файруз хорошо. В его аттестате зрелости стоит единственная тройка по английскому языку. Поставлена эта тройка не за слабые знания школьной программы английского языка. Будучи живым, энергичным юношей, Файруз не прочь был и пошалить. Кто из нас не стрелял в школе из трубочки? И вот однажды, на уроке перестреливаясь с ребятами он случайно попал учительнице английского в глаз ягодкой рябины. Помню и мы в нашей школе стреляли трубочками друг в друга. Только у нас в степной Калмыкии ягод рябины не было. Она там не растёт. Непросто было найти и металлическую трубочку, поэтому мы стреляли шариками из бумаги. А в качестве трубочки брали обрезок

камыша сантиметров 8 – 10 длиною, очищали его сквозное отверстие. Получалась трубочка. Вкладывали туда маленький шарик из бумаги и, направляя трубку в сторону противника, сильно дули в неё. Вылетающий из трубки бумажный шарик «поражал неприятеля» – одноклассника или одноклассницу. Файрузу не повезло. Случайно его мишенью стал глаз учительницы английского. Удивляется сегодня Файруз, как та учительница не ставила ему только двойки вместо троек.

Когда после успешного окончания школы встал вопрос о выборе пути, юноша выбрал стезю служения Родине в её армии. Сначала попытался поступить в Казанское артиллерийское училище, но перед самой медицинской комиссией заболел ангиной и поступить не смог.

Год поработал на заводе по ремонту электротехнической аппаратуры слесарем.

Его друг Шамиль Юсупов после школы попытался поступить в наше Военно-техническое строительное училище в Дубне, но не выдержал вступительные экзамены. На следующий год друзья решили вместе ехать в Дубну. Файруз не только сам успешно сдал вступительные экзамены, но и помог поступить своему другу Шамилю.

С первых дней пребывания в училище юноша не замечал трудностей армейской жизни. Новую обстановку, новый армейский коллектив, жизнь по строгому распорядку, требования командиров он воспринимал, как должное для мужчины. Другими словами, служить и учиться стал так, как надо, к чему был готов с детства. На первом же комсомольском собрании роты его избирают секретарём комсомольской организации. Потом Файруз становится ещё и командиром курсантского отделения. Общественную и командирскую должности Файруз исполнял все три года учёбы в училище. Как и Хохлов, лейтенант Валиев в числе двадцати двух лучших выпускников училища в 1977 году направляется служить на родину В.И. Ленина в Ульяновск, где в связи с началом строительства Авиационного завода формировалось Управление войск.

Здесь он и служил до дня расформирования наших войск в 1993 году. Я не знаю ни одного офицера или прапорщика, у кого бы при честном и добросовестном отношении к службе проходила она без трудностей, тягот и лишений. Нелегко служилось и Файрузу. Очень трудно было в первые годы. Управление войск в Ульяновске только формировалось. Строились военные городки и вся их инфраструктура. На строительной площадке «Авиастара» объёмы работ были колоссальны. Закладывались огромные корпуса первых цехов, параллельно создавалась база строительной индустрии, строились дороги, жилые дома в Новом микрорайоне Заволжского района Ульяновска для авиастроителей и самих строителей.

Руководство Димитровградского Управления строительства (ДУС) выделило строительный участок для строительства военных городков в Ульяновске на улице Мелекесской. Надо было построить военные городки военно-строительному отряду и полку, здание штаба Управления военно-строительных частей в/ч 20161. И если бы военными строителями под руководством офицерского состава и прапорщиков не форсировалось строительство казарм, столовой, зданий штабов полка и Управления войск, банно-прачечного комплекса, спортзала, санитарной части, зданий автопарка, гауптвахты в вечерние часы, по субботам и выходным дням, то обустройство военных строителей на ульяновской земле растянулось бы на долгие -долгие годы. Впрочем, свои военные городки, свой быт наши части всегда обустроивали сами. Всегда и везде на начальном этапе строительства нашему брату доставалось по полной.

Строившиеся здания военных городков надо было наполнить и предметами самой первой необходимости. Кровати, табуретки, тумбочки, все постельные принадлежности для личного состава поставлялось с армейских складов. Но разве это всё для нормальной жизни подразделений и штабов? Сколько надо в помещения тех же казарм, канцелярий, штабных ка-

бинетов, в медицинскую часть, в столовую, в спортивный зал и прочие помещения дорогостоящих мелочей, не предусмотренных нормами обеспечения! А где их взять? Приходилось военным строителям ещё и выезжать в различные предприятия города в нерабочие часы и выходные, чтобы зарабатывать на приобретение всего этого. Надо тут же заметить, что любая работа военных строителей в сторонних организациях категорически приказами вышестоящего командования запрещалась. Офицеры и прапорщики, которые организовывали выполнение плановых заданий на площадках «Авиастара», и на строительстве военных городков, вынуждены были, рискуя своим благополучием, выезжать ещё и в сторонние организации на эти заработки. А специальная прокуратура, обслуживавшая наши части, не дремала.

Вот в каких условиях приходилось служить офицерам и прапорщикам в первые годы в Ульяновске.

Многие офицеры такие нагрузки просто не выдерживали. Не таким был Файруз Валиев. В марте 1981 года он награждается медалью за трудовую доблесть. А в 1982 году он уже капитан – командир одной из лучших рот ульяновского Управления военно-строительных частей.

3

Я уже писал, что прибыл я в Ульяновское Управление военно-строительных частей летом 1982 года. Писал я и о том, что военно-строительный отряд хорошо выглядел на фоне двух полков Управления. В отряде третьей ротой и командовал Файруз Валиев.

С первого дня я скрупулёзно стал изучать положение дел в частях Управления, знакомиться с офицерским составом и прапорщиками. Изучив дисциплинарную практику 665 ВСО, я обратил внимание на то, что в третьей роте практически отсутствовали грубые нарушения воинской дисциплины. Заинтересовался я этой ротой. Часа два беседовал с Файрузом, пытался вытащить из него, каким образом он достигал таких

успехов в воспитательной работе с личным составом. Не робкого десятка офицер кряхтел и пыхтел, удивлялся моим вопросам: «Ничего особого мы с прапорщиками и сержантами не делаем. Требуем от всех солдат то, что положено по Уставу и всё. Чему тут удивляться?», – бубнил он без конца, не понимая, чего от него хочет этот новый начальник. Но! Перед тем как начать наш разговор с Файрузом, я обошел и тщательно осмотрел все помещения его казармы. Уже после этого понял я, почему третья рота – одна из лучших в Управлении. И в ходе беседы с её командиром мне приходилось ему даже подсказывать ответы на свои же вопросы. Ведь я заметил, что все помещения роты обустроены и оформлены в строжайшем соответствии с требованиями Устава Внутренней службы и приказов Центрального Управления наших войск. Сделано было всё точно и тщательно до самых незначительных мелочей. А ведь к моему визиту в эту роту никто не готовился, значит здесь всегда так. Значит это стиль работы командира и так он работает во всём, понял я тогда. Свои требования по поддержанию строгого уставного порядка в роте он требует от своего заместителя, от старшины, от командиров взводов и отделений. Все они до мелочей исполняют то, что им положено и что постоянно требует всё видящий, строгий ротный. И всё!

Почти за три последующих года в отряде сменилось два командира и замполита. Менялось положение дел в отряде, порой не в лучшую сторону. Не менялось положение дел только в третьей роте. И в 1984 году наша третья рота военно-строительного отряда прогремела на всю Советскую армию, как образцовая. А дело было так.

4

В осенний призыв 1984 года попал в роту Файруза один солдатик из Тамбова. Его мама оказалась главным редактором тамбовской областной газеты. Не могла не знать опытная журналистка, что во многих частях тогдашней Советской

армии имели место быть так называемые неуставные взаимоотношения. На почве дедовщины, как ещё назывались неуставные взаимоотношения между разными годами призыва солдат, во многих частях случались и серьёзные происшествия. Об этих происшествиях иногда даже писали газеты. И это в условиях строжайшей цензуры тех времён и секретности состояния воинской дисциплины в Советской армии.

Солдатская мама-журналист узнала, что её сын попал ещё и в военно-строительные части, которые по ряду объективных причин в Советской армии выделялись в худшую сторону. Женщина очень переживала за сына. Переживая, она постоянно в письмах «допрашивала» сына о том, как ему служит. А сын всегда отвечал маме, что служба идёт хорошо, всё нормально. Но мать есть мать. Не выдержала она муки переживаний и решила съездить к сыну и самой разузнать, как там её сын.

На майские и ноябрьские праздники в те времена выходных бывало дня по три, а то и по четыре. Утром первого мая 1985 года эта женщина и оказалась на улице Мелекесской города Ульяновска.

Я в тот день был ответственным от командования Управления. Прибыл в штаб к девяти часам. Позвонил в части, узнал обстановку, чем занимается личный состав частей и спокойно работал с какими-то бумагами в своём кабинете. Примерно в 11 часов мне позвонили из 665 ВСО и доложили, что к одному из солдат приехала мама. Спрашивали разрешение отпустить солдата в увольнение. Я разрешил. Но ни у офицера ответственного по ВСО, ни тем более у ответственного по роте, бланка увольнительной с печатью не было. Такие бланки увольнительных у меня были. Солдата к маме мы отпустили на двое суток.

В девять часов следующего дня я должен был смениться и топтать домой отдыхать. Примерно без четверти восемь мне звонят из штаба ВСО и докладывают, что на КПП отряда пришла мама отпущенного вчера в увольнение на двое суток

солдата из третьей роты. Она просится пройти в отряд и роту, в которой служит сын и посмотреть, где и в каких условиях он служит. Я приказал женщину в отряд пропустить и показать ей всё, что пожелает.

Сменившись в девять утра, прежде чем идти домой, я зашел в отряд и поинтересовался, где солдатская мать и что делает. Ответственным в отряде был, кажется, майор Бахвалов, заместитель командира отряда по политчасти. Удивлённый необычным событием офицер чуть ли не шёпотом доложил мне, что сейчас женщина в третьей роте. Её плотно окружили солдаты, она угостила их всех конфетами и о чём-то вот уже минут тридцать с ними разговаривает. Я посоветовал майору женщину не беспокоить, не мешать ей общаться с солдатами. Но выбрать удобное время и обязательно с нею побеседовать самому. Если у женщины будут какие-то вопросы, постараться на все ответить. Все жалобы и претензии записать и потом доложить мне. После этого ушел домой.

На следующий день я запланировал себе посетить все части, посмотреть организацию культурного отдыха военных строителей.

Зашел первым делом в отряд. Бахвалов ещё был на службе и доложил мне, что женщина накануне пробыла в отряде до пятнадцати часов. Пошла вместе с военными строителями даже в столовую и вместе с солдатами пообедала. Он с нею встретился, беседовал. Жалоб и претензий у неё нет. Сказала, что зря не верила сыну, служится ему хорошо.

5

Я очень сожалею, что не помню имени и фамилии той женщины и её сына. Не смог в своём архиве найти и материалы, касающиеся того случая.

С посещения нашего ВСО той журналисткой все главные события только начинались. Журналист есть журналист. Не могла она остановиться на своём успокоении за службу сына. Она написала о своей поездке к сыну большую статью в «Крас-

ную звезду». Какими хвалебными красками расписала солдатская мать в своей статье роту, где служил её сын, нам не было известно. Но главный редактор «Красной звезды» не поверил в то, что так хорошо бывает в военно-строительных частях нашей армии. И решил он прислать к нам своего одного из опытейших журналистов, чтобы тот всё проверил и сам всё описал, как обстоят дела в роте капитана Валиева, в военно-строительном отряде и во всём нашем Управлении.

Приехавший к нам капитан Евгений Сорокин свою работу начал со встречи с командованием Управления. У меня в кабинете он несколько часов изучал отчёты и донесения из 665 ВСО и полков, личные дела офицеров и прапорщиков, другие документы. После этого мы с ним проследовали в отряд. Капитан познакомился и побеседовал с командованием отряда, обошел все помещения этой части. В солдатской столовой попробовал пищу. Потом попросил меня оставить его в отряде одного.

Целую неделю работал в нашем 665 ВСО и ульяновском полку тот журналист, объехавший сотни воинских гарнизонов на бескрайних просторах страны. Не один месяц капитан Сорокин был в командировке в Афганистане, где потерял половину стопы на mine душманов. В воскресенье он попросил меня вывести из отряда всех офицеров, прапорщиков и сержантов. Не менее трёх часов он встречался и беседовал с солдатами, а я на стадионе беседовал со всеми командирами ВСО. С кем, о чём беседовал журналист нам было неизвестно. В понедельник капитан из моего кабинета позвонил в газету, что-то доложил редактору и после продолжительной беседы со мной попросил отвезти его на вокзал.

У меня интересовался журналист нашей работой против дедовщины, о методах работы по сплочению многонациональных воинских коллективов, методами трудового воспитания военных строителей и прочим.

Примерно через две недели в газете «Красная звезда» вышла большая статья Евгения Сорокина. В ней журналист рас-

сказал армейской общественности страны о нашем 665 ВСО, о третьей роте и её командире капитане Файрузе Валиеве. В статье наш отряд и третья его рота предстали как образцовые во всех отношениях. А Файруз Валиев предстал таким, какими должны быть все офицеры армии страны Советов.

6

В том же 1985 году капитан Валиев был назначен начальником штаба 665 ВСО. А через год, когда был расформирован штаб УВСЧ и 665 ВСО, а Димитровградский полк сокращался до отряда, приехавшие из Москвы кадровики выписали направление на перевод майора Валиева в Узбекистан, в Навоинское Управление войск. Об этом узнал начальник Димитровградского управления строительства Иконников Николай Павлович. Он вызвал Файруза к себе на беседу. А после беседы попросил командование Центрального Управления войск оставить Валиева для прохождения службы в военно-строительном отряде Димитровграда.

Почти за четыре года здесь службы я не помню случая, чтобы начальник ДУС занимался кадрами наших частей. А тут такое его действие. С чего бы? Думается мне, что начальника ДУС заставила нужда заняться кадрами военных строителей. Знал он, как оказалось, и деловые качества Валиева, ему стало жаль отпускать этого офицера на другую стройку нашего министерства.

Принял такое решение Николай Павлович ещё и потому, что в то время в строительном управлении Димитровграда и в наших воинских частях обстановка сильно осложнилась. Во-первых, к тому времени в стране уже остро ощущалась нехватка средств. Во-вторых, из-за аварии на ЧАЭС и для ликвидации на ней последствий в командировки приходилось направлять много офицеров и прапорщиков, инженеров и рабочих ДУС. И поэтому стало очень непросто выполнять производственные планы строительному управлению.

Файруз был назначен на должность заместителя командира Димитровградского отряда по производству. Отлично справился с должностными обязанностями производственника майор Валиев.

В апреле 1989 года он назначается первым заместителем командира отдельного Ульяновского полка. В 1991 году подполковник Валиев Файруз Фазлыевич награждается орденом «За службу Родине третьей степени».

В 1993 году в результате полной ликвидации военно-строительных частей Файрузу пришлось несколько лет дослуживать до пенсии в органах ФСИН.

Целых 20 лет наш Файруз Фазлыевич добросовестно потрудился ещё и на гражданке. Однажды мне пришлось побеседовать с одним мужчиной, подчинённым Файруза. Естественно, не мог не спросить я молодого мужчину о его начальнике. «О! Были бы все такие начальники, как наш дядя Федя!», – с восторгом ответил тот.

Как солдат Сергеев генерала пельменями по домашнему накормил

Рассказ

1

В далёком 1977 году Сергей окончил школу. Родился он и жил в небольшой по тем временам деревушке. Была в деревне из-за малочисленности её населения только восьмилетняя школа, а его отец, фронтовик Великой Отечественной в ней работал учителем. По этой причине всем братьям и сестре Сергея учиться приходилось только на четыре и пять. Отец к мерам воздействия в школе мог присоединить и меры воздействия домашние, а это уже очень серьёзно.

Деревня, в которой жил Сергей, находится на Волге, но отстоит от матери рек российских километрах в двадцати. Зато окружена она роскошными лесами. А в лесах возле деревни много озёр и речушек. Тут тебе и рыбалка, и грибы, и ягоды всякие. С малых лет мама и бабушка часто водили детей в лес по грибы да по ягоды. Показывали и травы всякие чудодейственные. В самой деревне до сих пор растут дубы, сосны, осины и липы огромные. Братья и сестра Сергея прочно прикипели к деревне и дому отеческому.

Маманя и бабушка в русской печи почти каждый день пекли ароматные хлебы, пироги со всяческой начинкою, разные булочки и пампушечки. А какие вкусные они варили каши, борщи и пельмени – передать трудно. Изготовлением пельменей всегда занималось всё большое семейство Сергеевых. Мама или бабушка затевали пахучее тесто. Отец и старшие братья отбирали самые лучшие куски свинины и говядины, обрезали мякоть, пропускали мясо через мясорубку. Всегда добавляли в него заготовленные и высушенные травы и лук. Когда тесто и начинка были готовы, всё семейство садилось вокруг большого обеденного стола и лепили пельмени. Счастливые то были времена.

Стоит ли рассказывать, какими вкусными были те пельмени! Внимательно следил Сергей за всем процессом их приготовления. Впрочем, не ускользало от пытливых глаз мальчишки и искусство мамы и бабушки в приготовлении всех остальных блюд. Когда женился старший его брат альпинист Сашка, на свадьбу приехали все ребята и девчата из его команды. И девочкам из команды альпинистов поручили в летней кухне большого двора сварить борщ для праздничного стола. Одиннадцатилетний Серёжка зашел зачем-то в ту кухню и увидел, что девчата не знают с чего начать и как варить борщ, стал им во всех подробностях объяснять и показывать, как его варить.

После успешного окончания восьмилетки, не раздумывая, Сергей сдал вступительные экзамены в техникум пищевой промышленности в соседнем городе. А когда начались занятия в техникуме, то оказалось, что в их учебной группе он только один парень. Все остальные студенты – девочки. Вскипело в сознании Сергея мужское составляющее. На второй день пребывания в техникуме собрал он свои вещички и подался домой.

– В техникум я больше не поеду, – заявил он встретившей его маме.

– Ну что ж. Не хочешь учиться, иди работай в колхозе. Сейчас соберу тебе рабочую одежду и топай на скотный двор. А может возьмут в бригаду к механизаторам, – только и сказала строгая мама.

Ни слова не сказал ему пришедший с работы отец. Даже не спросили родители, почему решил бросить техникум. Всё шло по установленному в семье порядку – вырос, стал взрослым – сам определяй свою дальнейшую судьбу.

Остаток дня и ночь почти до утра прошли в тяжких думах и переживаниях. «Что делать, куда податься, по какой стёжке-дорожке пойти в жизни?» – думал и думал юноша. Никакой работы не боялся Сергей, но очень хотелось учиться. «Ведь поступил же уже! Вот она, настоящая учёба! Три года – и в

руках диплом о среднем образовании. А потом ведь можно поступить учиться куда угодно», – размышлял он.

Всё передумал бедный Серёжка, а проснувшись наутро, сказал маме:

– Я поехал в техникум.

– Вот и хорошо, – ответила заметно повеселевшая мама.

Не успел Сергей получить в техникуме диплом, а тут и повестка из военкомата. Надо идти на службу.

2

Однажды в самом начале службы Сергей попал в наряд на полковой пищеблок. Прапорщик, заведующий столовой, распределяя на работы прибывший наряд, нескольких ребят заставил мыть полы в варочном цехе и в обеденном зале столовой. Несколько человек отправил готовить посуду для предстоящего ужина личного состава части, а Сергея привёл в овощной цех. Там уже стоял большой ящик с картошкой. «Ты пока приступай к чистке один, а когда ребята закончат уборку, я пришлю тебе подмогу», – сказал прапорщик.

Приближался час ужина. Завстоловой скомандовал наряду накрыть для себя стол в обеденном зале, быстро поужинать и быть готовыми кормить личный состав части. Зашел прапорщик в овощной цех, чтобы отправить на ужин Сергея и увидел, что солдат уже заканчивает чистку картошки.

– Ты один уже почистил всю картошку?! – вырвалось у прапорщика.

– А чё тут такого? – спокойно ответил Сергей, – дело привычное. Семья у нас большая. Мамка дома постоянно заставляла.

Прапорщик внимательно осмотрел почищенный картофель. Похвалил Сергея за качество чистки и сказал:

– Я возьму тебя на службу в столовую. Будем учить тебя на повара.

– Готовить я и так умею, а всякие теории этого дела я изучил в техникуме пищевой промышленности.

– Тогда завтра же я и пойду по тебе к начальству, – сказал обрадованный прапорщик.

После этого он вынул из нагрудного кармана записную книжечку и шариковую ручку, спросил фамилию и имя Сергея, быстро сделал запись и отправил его ужинать.

3

Заведующий столовой человек был строгий. Сказать, что он строго от своих подчинённых спрашивал за чистоту и порядок, за качество работы поваров – не сказать ничего. Было бы странным, если бы тот служака, приставленный к питанию, не любил бы и не знал толк во вкусной пище. И попробовав однаждыпельменей Сергея, проникся уважением к нему и отеческою заботой. Своей строгости и требовательности к Сергею он ничуть не убавил, но стал считать его своей правой рукой и поручать приготовление пищи в самые ответственные моменты. А уж если в части готовились встречать и угощать высокое начальство, то Сергею приходилось быть шеф-поваром.

И вот однажды в часть приехала с проверкой комиссия. Состояла она из десятка офицеров высоких чинов и званий, а возглавлял комиссию генерал.

Заведующий столовой и приказал Сергею приготовить для комиссии своё коронное блюдо – пельмени по-домашнему. Сергей, хоть и ответственный за угощение высокого начальства, знать не знал, кто из этих чинов наиважнейший и сколько в комиссии человек. Сказал заведующий столовой готовить обед на двенадцать человек, он и приготовил на это количество.

К назначенному часу накрыл он стол в одной из комнат столовой. Откушали начальники Серёжиных пельменей, дружно похвалили полковое начальство и заведующего столовой за вкусный обед и удалились.

Только Сергей с рабочими кухни убрали со стола и приготовились мыть посуду, как влетел на кухню завстоловой и

с перепуганным лицом, побледневший, сказал Сергею, что сейчас придёт обедать сам председатель комиссии. Он, видите ли, был занят, когда члены его комиссии обедали. А может решил прийти в столовую и тоже отведатьпельменей по – домашнему. Его подчинённые, наверняка, похвастались, как их угостили.

– Что делать? – дрожащим голосом спросил Сергея прапорщик.

– Как что, – спокойно ответил Сергей, – накормим и генерала.

– Так кастрюля, в которой ты варил пельмени, пуста. Мы ж её поставили на стол, члены комиссии всю её и опустошили!

– Не переживайте, товарищ прапорщик, идите спокойно встречайте генерала, через пять минут у меня всё будет готово.

Оказалось, когда Сергей убирал со стола после обеда, то пельмени, оставшиеся почти во всех тарелках, он не выбросил в помой, а аккуратно сложил в небольшую кастрюльку. Как такое добро можно выбрасывать? Не поднялась у деревенского парня, приученного отцом и мамой к бережливости, сделать это. В некоторых тарелках оставалось по одной – две пельмешки, а в иных и того более. Так и набралась небольшая кастрюлька.

Вот скрипнула входная дверь столовой, послышался рапорт и приглашение прапорщика пройти в комнату для приёма пищи... Сергей кинул в кастрюльку с пельменями ложку сливочного масла, плеснул туда же немного кипятка из котла для мытья посуды. Затем поставил кастрюльку на поднос, положил вилку, ложку, нож, тарелку и приготовился подавать угощение. Но в варочный цех вошел сам прапорщик. Увидав приготовленный поднос, он открыл и заглянул в кастрюльку, поставил на поднос ещё и тарелку с аккуратно нарезанным хлебом и перечницу, лихо подхватил поднос и важно пошагал в комнату, где уплетал холодную закуску генерал.

После обеда, выходя из столовой, генерал поблагодарил командира полка за вкусные, истинно домашние пельмени, а повару велел объявить благодарность.

Много подобных благодарностей и даже отпуск на родину заработал Сергей за два года службы. Прикипел он за службу к армейскому коллективу. Готов был остаться и служить на кухне хоть до самой пенсии, но контрактной службы в те времена ещё не было. Ликвидирована была и служба сверхсрочная. Потому и согласился Сергей на предложение начальства поступать в школу прапорщиков и служить дальше на должностях службы интендантской. А это сродни и его диплому и специальности по делам поварским.

Вкуснейшие пельмени прапорщик отставник Сергеев Сергей Алексеевич любит готовить и по сей день.

Содержание:

Краткое предисловие автора	3
Власть переменилась <i>рассказ</i>	4
Исмаков Борис Фёдорович <i>повесть</i>	15
АлександрФёдорович Ананьевский <i>повесть</i>	27
Александр Иванович Лобанов <i>повесть</i>	41
Автандил Ованесович Восканян <i>повесть</i>	55
Владимир Иванович Хохлов <i>повесть</i>	64
Валиев Файруз Фазлыевич <i>повесть</i>	77
Как солдат Сергеев генерала пельменями по домашнему накормил <i>рассказ</i>	87

Андрей Николаевич Перепелятников

СОСЛУЖИВЦЫ

В авторской редакции

Подписано в печать 16.11.2020 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать ризографическая.

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 5,46. Заказ № 20/xxx

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-С»
432013, Ульяновск, ул. Промышленная, 53 б.